

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I АЛЕКСЕЕВНЫ

Значение времени, протекшего от смерти Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. - Положение старой и новой знати при смерти Петра Великого. - Гвардия. - Совецание о престолонаследии. - Восшествие на престол Екатерины. - Манифест об этом. - Спокойствие Петербурга. - Отправление генерала Дмитриева-Мамонова в Москву для сохранения порядка. - События в древней столице во время присяги. - Речи в народе о Петре и Екатерине. - Похороны Петра Великого. - Выходка Ягужинского. - Стремления Меншикова. - Толстой, Апраксин, Ягужинский; ссора последнего с Меншиковым. - Герцог голишинский. - Характер императрицы. - Вопрос о крестьянах. - Учреждение Верховного тайного совета. - Состав Совета. - Отношения его к Сенату. - Возобновление крестьянского вопроса в связи с финансовым. - Решение их. - Ревизия графа Матвеева в Московской губернии. - Поддержание флота. - Поправка денежного дела. - Заботы об уложении. - Меры для усиления торговли. - Горные промыслы. - Ладожский канал и Миних. - Войско. - Отступление от программы Петра Великого. - Просвещение. - Нравы и обычаи. - Церковь. - Дело архиепископа Феодосия. - Донесение архиепископа Георгия Дашкова. - Синод и Верховный тайный совет. - Перемены в Синоде. - Раскол. - Отношения к западным исповеданиям. - Дела на окраинах.

Люди Западной Европы, смотря на удивительные явления, происходившие в первой четверти XVIII века в Европе Восточной, говорили, что все эти преобразования суть следствия одной личной воли царя, со смертью которого все введенное им рушится и восстановится старый порядок вещей. Теперь преобразователь был во гробе и наступило время проверки, прочен ли установленный им порядок. Железной руки, сдерживавшей врагов преобразования, не было более; Петр не распорядился даже насчет своего преемника; русские люди могли теперь свободно распорядиться, свободно решить вопрос, нужен ли им новый порядок, и ниспровергнуть его в случае решения отрицательного. Но этого не случилось; новый порядок вещей остался и развивался, и мы должны принять знаменитый переворот со всеми его последствиями как необходимо вытекший из условий предшествовавшего положения русского народа. Время от кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II обыкновенно рассматривалось как время печальное, непривлекательное, время малоспособных правителей, дворцовых переворотов, недостойных любимцев. Но мы не можем разделять этих взглядов. Названное время имеет высокий интерес для историка именно потому, что здесь русские люди были предоставлены самим себе ввиду громадного материала, данного преобразованием. Как они распорядятся этим материалом - вот вопрос, с которым историк обратится к своим источникам. Они должны ему сказать, было ли названное время временем застоя или движения, а вторая половина XVIII века в России, царствование Екатерины II, была ли результатом этого движения и в каком смысле. Идеи и люди екатерининского царствования явились ли по мановению знаменитой императрицы или были приготовлены прежде, состоят в необходимой связи с движением, совершившимся в тридцать пять лет, протекших от кончины Петра Великого?

Кто будет преемником императора: женщина или ребенок - вот вопрос, который волновал Петербург накануне смерти Петра. Народное большинство, разумеется, было за единственного мужского представителя династии - великого князя Петра Алексеевича; за него была знать, считавшая его единственно законным наследником, рожденным от достойного царской крови брака, за него были все те, на приверженность которых надеялся и несчастный отец его, все те, которые с воцарением сына Алексея надеялись отстранить ненавистную толпу выскочек, и во главе их Меншикова. Носились слухи, что эти родовитые вельможи замыслили, возведши на престол малолетнего Петра, заключить Екатерину и дочерей ее в монастырь. Екатерина должна была действовать по инстинкту самосохранения и нашла себе помощников, находившихся в

одинаковом с нею положении. В этом положении находился Меншиков, которого ничего не стоило погубить противной стороне вследствие обвинений, лежавших на нем, вследствие явной опалы от Петра: новому правительству можно было погубить Меншикова во имя старого, дать вид, что произносит приговор, который произнес бы и Петр, если б не был остановлен рукой смерти. В таком же положении находился Толстой, на которого смотрели как на главного виновника несчастий царевича Алексея и который, следовательно, не мог ожидать ничего хорошего при воцарении сына его. Генерал-прокурор Ягужинский, обязанный своим высоким местом Петру, не любимый родовитою знатью, как выскочка и человек честолюбивый, стремившийся играть самостоятельную, первостепенную роль, не мог ждать для себя ничего хорошего при воцарении внука Петрова, т. е. при торжестве старой знати; тесть Ягужинского канцлер граф Головкин также не мог надеяться удержаться на своем важном месте и защитить своих; старик по природе своей не был способен действовать в решительную минуту, мог только помогать советами своему энергическому зятю Ягужинскому. Макаров имел право также ждать для себя беды при торжестве старой знати, тем более что на нем лежали важные обвинения. Члены Синода, учреждения нового в церкви, - а церковные новизны более всяких других многим кажутся неприятны и опасны, - члены Синода при воцарении сына Алексея имели полное право бояться противодействия хотя некоторым мерам прежнего царствования, и прежде всего коллегиальному управлению церкви, а новый патриарх, конечно, уже не будет избран из синодальных членов. Всего больше должны были бояться двое главных членов Синода - Феодосий новгородский и Феофан псковский; первый, успевший по собственному сознанию нажить себе множество врагов неприятным характером и ревностью, иногда не по разуму, к новому порядку; притом в последнее время на него явились тяжелые обвинения, которыми враги его могли бы легко воспользоваться. Феофан, даровитый и тем более опасный защитник тех мер, которые прежде всего могли быть найдены неудобными при воцарении великого князя Петра, не уважаемый старою знатью, как архиерей, нелюбимый, как пришлец и выскочка, Феофан был в опасном положении и как автор духовного регламента, и особенно как автор "Правды воли монаршей", как защитник меры, которая была явно направлена к уничтожению прав сына Алексея. Мы не знаем, были ли люди, которые считали себя вправе не желать вступления на престол малолетнего Петра во имя высших интересов, т. е. из боязни сильной, губительной для отечества реакции новому порядку вещей: изо всего было ясно, что никто из людей, высоко стоявших, не думал противодействовать просвещению, связи с образованным Западом, никто не желал возвращения ко временам царя Алексея Михайловича: но все же бескорыстные приверженцы нового порядка могли опасаться мер, ему вредных, например покинутия Петербурга, а следовательно, и флота и т. п. Наконец, могли бояться больших бед при малолетнем государе в том опасном по своей новости внутреннем и внешнем положении, в каком покидал Россию преобразователь.

Как бы то ни было, были сильные личные побуждения, заставлявшие многих людей противиться воцарению великого князя Петра: эти люди были поставлены высоко, имели большие средства действовать, но, что всего важнее, имели сильные личные средства, ум, энергию, усиленную сознанием страшной опасности своего положения. Это были люди, выдвинутые Петром на первый план за их способности, и были они окружены людьми также способными, которых будущность была тесно связана с их будущностью. В рядах противных были люди второстепенные по своему положению и по своим личным средствам, люди, не отличавшиеся особенною энергиею; для них было очень важно воцарить великого князя Петра, взять в его малолетство правление в свои руки, очистить двор от худородных выскочек; но в случае неудачи им не грозила такая опасность, какая грозила Меншикову и Толстому в случае их неудачи. Силы борцов во всех отношениях были неравные, и легко было предвидеть, на чьей стороне будет успех.

Когда Екатерина увидела, что нет более надежды на продолжение жизни Петра, то поручила Меншикову и Толстому действовать в пользу своих прав. Прежде всего, разумеется, нужно

было склонить на свою сторону войско, находившееся в Петербурге. Гвардия была предана до обожания умирающему императору; эту привязанность переносила она и на Екатерину, которую видела постоянно с мужем и которая умела казаться солдату настоящею полковницею. Офицеры явились добровольно к императрице с уверениями в своей преданности и готовности пролить кровь свою для поддержания ее на престоле. Несмотря на то, сочли нужным обещать денежные выдачи; гарнизон и другие войска, не получавшие 16 месяцев жалованья, были удовлетворены; были разосланы указы, чтоб войска, находившиеся на работах, оставили их и возвратились к своим полкам для отдыха и для молитвы за императора; в столице стража была удвоена на всех постах и отряды пехоты двигались по улицам для предупреждения волнений. В чем другом состояла деятельность Меншикова и Толстого мы не знаем, только секретарь Меншикова Алексей Волков уверял впоследствии, что нажил себе болезней, помогая в это время советом и делом своему патрону. В ночь на 28 число вельможи, зная о предстоящей кончине императора, собрались в одной из комнат дворца для совещания о его преемнике. Главами приверженцев великого князя Петра являлись князья: Голицын, Долгорукий, Репнин; двое братьев Апраксиных разделились: младший, Петр Матвеевич, президент Юстиц-коллегии, недовольный в последнее время, был между приверженцами великого князя; старший, генерал-адмирал, держался противной стороны; кроме других побуждений в эту сторону могла его тянуть тесная связь с Меншиковым и Толстым, но, как бы то ни было, иметь старика Апраксина на своей стороне было очень важно для Екатерины. Важно было и то, что на ее сторону стал генерал Иван Бутурлин, который был подполковником гвардии вместе с Меншиковым; происходя из старинной фамилии, Бутурлин, однако, был на стороне новых людей по враждебным отношениям к Репнину, президенту Военной коллегии. Князь Дмитрий Михайлович Голицын с товарищами понимали невыгоду своего положения, недостаточность своих средств и потому готовы были на сделку: предлагали возвести на престол великого князя Петра, а за малолетством его поручить правление императрице Екатерине вместе с Сенатом, представляя, что только этим средством можно избежать междоусобной войны. Но Меншиков, Толстой и Апраксин поняли всю опасность этого предложения для себя. "Это распоряжение, - говорил Толстой, - именно произведет междоусобную войну, которой вы хотите избежать, потому что в России нет закона, который бы определял время совершеннолетия государей; как только великий князь будет объявлен императором, то часть шляхетства и большая часть подлого народа станут на его стороне, не обращая никакого внимания на регентство. При настоящих обстоятельствах Российская империя нуждается в государе мужественном, твердом в делах государственных, который бы умел поддержать значение и славу, приобретенные продолжительными трудами императора, и который бы в то же время отличался милосердием для содействия народу счастливым и преданным правительству; все требуемые качества соединены в императрице: она приобрела искусство царствовать от своего супруга, который поверял ей самые важные тайны; она неоспоримо доказала свое героическое мужество, свое великодушие и свою любовь к народу, которому доставила бесконечные блага вообще и в частности, никогда не сделавши никому зла; притом права ее подтверждаются торжественною коронациею, присягою, данною ей всеми подданными по этому случаю и манифестом императора, возвещавшим о коронации". Слова Толстого находили сильное отзвучие в одном углу залы, где собрались гвардейские офицеры; никто из приверженцев великого князя Петра не решался спросить, зачем тут эти офицеры, а приверженцы Екатерины знали зачем. Раздались барабаны, и присутствовавшие узнали, что около дворца стоят оба гвардейских полка. Репнин решил спросить: "Кто осмелился привести их сюда без моего ведома? Разве я не фельдмаршал?" "Я велел прийти им сюда по воле императрицы, которой всякий подданный должен повиноваться, не исключая и тебя", - отвечал Бутурлин. Членам суда над царевичем Алексеем нашептывали: "Ведь вы подписали смертный приговор царевичу". Сильные споры продолжались до четырех часов утра; наконец князь Репнин, боявшийся, как говорят, усиления враждебной ему фамилии Голицыных, объявил, что он согласен с Толстым: надобно возвести на престол императрицу Екатерину без всякого ограничения, пусть властвует, как властвовал супруг ее. Тут и канцлер Головкин, молчавший до сего времени, объявил, что он того же

мнения; за ним все присутствовавшие, кто волею, кто неволею, объявили, что согласны. Генерал-адмирал Апраксин, как старший сенатор, велел позвать кабинет-секретаря Макарова и спросил, нет ли какого завещания или распоряжений государя насчет преемника. "Ничего нет", - отвечал Макаров. Тогда Апраксин объявил, что в силу коронации императрицы и присяги, данной ей всеми чинами империи, Сенат провозглашает ее императрицею и самодержицею со всеми правами, какими пользовался супруг ее. Составили акт, который был подписан всеми сенаторами и другими сановниками.

Покончивши это трудное дело, вельможи отправились в комнату умирающего. Когда Петр испустил дух, они снова возвратились на прежнее место. Через несколько времени явилась туда и Екатерина с герцогом голштинским; обливаясь слезами, она обратилась к сенаторам с трогательною речью, поручала себя им как сирота и вдова, поручала им и все свое семейство, особенно герцога голштинского, в надежде, что они будут оказывать ему такую же любовь, какую достаивал его покойный император, и выполнят волю последнего относительно брака герцога на цесаревне. Когда она кончила свою речь, генерал-адмирал Апраксин бросается перед нею на колени и объявляет ей решение Сената; зала оглашается кликами присутствующих; на улице раздаются восклицания гвардии.

Почти одновременно с известием о кончине императора в Петербурге узнали о восшествии на престол императрицы. Много нового видели русские люди в последние 25 лет, и теперь, когда уже преобразователь испустил дух, увидели небывалое явление - женщину на престоле. Но каким образом она взошла на престол? Она была избрана вельможами; но избравшие не хотели прямо объявить России об этом избрании. В манифесте от Синода, Сената и генералитета говорилось: "О наследствии престола российского не токмо единым его императорского величества, блаженной и вечнодостойной памяти, манифестом февраля 5 дня прошлого, 1722 года в народе объявлено, но и присягою подтвердили все чины государства Российского, да быть наследником тому, кто по воле императорской будет избран. А понеже в 1724 году удостоил короною и помазанием любезнейшую свою супругу, великую государыню нашу императрицу Екатерину Алексеевну, за ее к Российскому государству мужественные труды, как о том довольно объявлено в народе печатным указом прошлого, 1723 года ноября 15 числа; того для св. Синод и высокоправительствующий Сенат и генералитет согласно приказали: во всенародное известие объявить печатными листами, дабы все как духовного, так воинского и гражданского всякого чина и достоинства люда о том ведали и ей, всепресветлейшей, державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской, верно служили". Коронование Екатерины было выставлено как назначение ее наследницею престола по закону от 5 февраля.

В Петербурге присягнули спокойно. Один из иностранных министров, находившихся в это время здесь, писал своему двору: "Скорбь о смерти царя всеобщая; об нем мертвом так же жалеют, как боялись и уважали его живого; мудрости его правления и постоянным заботам его о просвещении народа обязаны полною безопасностью, которою пользуются здесь до сих пор; не заметно ни малейшего беспокойного движения".

В Петербурге все было тихо, но боялись волнения в Москве; Туда немедленно был отправлен генерал Дмитриев-Мамонов с поручением распорядиться военными силами для сохранения порядка. От 2 февраля Мамонов уже доносил императрице, что он приехал в Москву накануне, в 9-м часу пополуночи, и принял команду; по рапортам, числилось в старой столице 2041 солдат, но на деле Мамонов нашел меньше и потому удержал 1000 пеших драгун, которые должны были выступить в Нарву, также велел прибыть в Москву из губернии с вечных квартир 365 конных драгун. Граф Матвеев, бывший, как мы видели, в Москве в звании председателя сенатской конторы, писал Макарову 9 февраля: "Сего месяца, в 3-е, по получении здесь того злопачевого из С. - Петербурга с сенатским курьером известия и печального манифеста,

когда при бесчисленном множестве собрания всякого чину людей здесь в соборной великой церкви публично о той трагедии было прочтено, такой учинился от народа всего, наипаче же при панихиде, вой, крик, вопль слезной, что нельзя женам больше того выть и горестно плакать, и воистину такого ужасу народного от рождения моего я николи не видал и не слышал, что, как слышно, и по всем приходам и улицам по той же публикации чинилось, и все при господней помощи до сего времени здесь так тихо, как и прежде сего было, и для будущей осторожности впредь все способные и безопасные меры у меня с генерал-майором Дмитриевым-Мамоновым упержены и приняты суть". Несмотря, однако, на эти успокоительные известия, когда в марте-месяце Макаров доложил императрице о возвращении Мамонова в Петербург, то она сказала, чтобы генерал провел праздник Пасхи в Москве и смотрел, не будет ли в праздничные гулящие дни каких шалостей. Относительно раскольников Сенат и Синод согласно рассудили приводить их в Москве к присяге в тех же церквях, где присягают и православные; но распорядиться приводом их к присяге московское начальство должно было по совету с Питиримом, архиепископом нижегородским, который для этого спешил из Петербурга в Москву.

Шалостей не было, но во время приведения к присяге некоторые оказали сопротивление. Двое братьев, уроженцы пригородка Судислава Костромской провинции, из подлых людей, как тогда говорилось, объявили Матвееву и Мамонову, что они к присяге не пойдут, императрицу за государыню себе не признают, и прежде не признавали, и никогда верными не были, потому что они по указам в двойной платеж раскольниками подписались и этим платежом денег свободу себе получили и, раз объявивши себя раскольниками, верными им быть нельзя. Их подвергли жестокой пытке: дали 30 ударов кнутом, жгли вениками, но ничего не добились - раскольники не только не охнули, но ни одним составом не дрогнули, лежали, закусая язык. Донося об этом, Матвеев писал, что от двойного оклада на раскольников государству прибыль малая, а расколичеству поущение, и вперед может быть большой вред; лучше бы двойной оклад снять и, расписав раскольников по частям, гонять вместо солдат на всякие тяжелые работы, как сделали Львовичи Нарышкины с своими раскольниками - чашниковскими крестьянами. Впрочем, раскольники, которые так испугали Матвеева "своею неподобною адскою замерзелью", вытерпели только первую пытку; когда же их привели в другой раз в застенки, то объявили себя готовыми присягать. И в других местах оказались ослушники, которые говорили, что Екатерина не прямая царица; другие говорили: "Креста целовать не буду: если женщина царем, то пусть и крест целуют женщины". Толковали: "Нестаточное дело - женщине быть на царстве, она же иноземка". Неправильность брака Екатерины с Петром находили в том, что воспреемником ее при обращении в православие был царевич Алексей, следовательно, Петр женился на внучке своей. Известная уже нам сказка о плене настоящего Петра в Швеции стала теперь оканчиваться тем, что он освободился из плена и скоро явится. Изюмского уезда Святогорского монастыря старец Варлаам рассказывал: "Царь наш Петр жив, ходил в Турецкую землю послом, а из той земли пошел в город Стекгольм, а тот город держит царица; и к той царице отписал турок; пошел к тебе посол русский царь, понеже наши земли он осматривает; а та царица его не отпустила, посадила под караул и вместо его избрала такого ж молодца и послала его в Россию на царство. И по приезде своем начал бороды брить и платья резать по-своему и жаловал своих неверных в высокие чины, и никто его не познал, токмо познала царица, и он ее от себя отринул и взял себе иную, а сам пошел на службу, а царевич остался на царстве; и говорил ему царевич: ты изволишь идти на службу и меня оставляешь на царство, позволь мне сделать звон, чтоб было слышно по всей земле; а по отъезде его на службу царевич начал неверных гнать, чтоб их не было в царстве, и, услыша, он возвратился назад и царевича уходил сам, а потом и сам умер, а ее пожаловал на царство. А теперь царь наш из неволи избавился через купецкого человека, который ездил на кораблях с товаром, а пришедши, поднес той царице великие дары, и она за тот дар его чествовала, и пошел он по темницам милостыни давать, и нашел его в особой темнице, а с ним двух человек, и стал он тоже царицу просить на корабль к себе на банкет, и та царица на корабль с своими служителями пришла и гуляла довольно, и помянутый купец поднес им пойла, и от того пойла они все

уснули, и с теми кораблями от того города уехал и их увез; и как они проснулись, стали его просить, чтоб он отпустил их и - чего желаешь, то тебе дадим, и он им сказал: ничего от вас не хочу, только дайте мне трех невольников, и отдали царя Петра и с ним двух человек, и, взявши, он привез. Да удивляюсь я, что он и поныне не объявился; а о царевиче сказывают, что у тестя своего - цесаря". Варлаам объявил, что он слышал этот рассказ от дегтярного дела мастера. Толковали, что Екатерина испортила Петра. Козак-раскольник говорил: "Когда государь преставлялся, про себя сам говорил: еще было мне жить, да мир меня проклял. Жесток он, государь, был, а сказывают, что внук его жесточае его будет". Поп говорил: "Похваляют, что император наш был мудрен, а что его мудрость? Затеял подушную перепись себе на безголовье, а всему народу на изнуренье и вручил свое государство нехристианскому роду, что хорошего - указал по форме молиться за неверных! Все то изложили и указали и всю землю вязали большие бояре; как прежде сего они, бояре, пролили кровь стрелецкую, так и им, боярам, отольется кровь на главы их: в долго ль или в коротко будет не без смятения". Монахиня говорила: "Я за царицу бога не молю, молю бога за царевича: какая она царица?" Но этими выходками и ограничилось сопротивление.

При спокойной скорби совершились в Петербурге печальные церемонии. Никогда во время жизни преобразователя новые обычаи, которые усвоила себе Россия, не высказывались так резко, как во время его похорон, потому что при жизни он не позволял роскоши, но гроб его постарались окружить всевозможным великолепием. 30 января набальзамированное тело покойного императора было выставлено в меньшей дворцовой зале, и народ был допущен для прощания. Между тем генералы Брюс и Бок готовили печальную залу, которая была готова к 13 февраля. Между обычными украшениями, употреблявшимися в подобных случаях при дворах европейских, виднелись пирамиды с надписями.

На одной читали: от попечения о церкви

Именем и делом Петру Верховному подражавый,
Боговенчаный верх наш Петр остави нас.
Ревнитель благочестия, рачитель исправления;
Суеверия и лицемерия ненавистник.

О женише церковный Христе! Утеши невесту Твою.

На другой: о исправлении гражданства

Что воздаси, о Россия! истинному отродившему тебя отцу твоему?

Он тебя уставы правительскими мудрую,

Законы судебными здравую,

Искусств различием благообразную сотвори.

Едина в тебе благодарствия сила

В верности и послушании ко наследнице его.

На третьей: от обучения воинства

Изнемог телом, но не духом,

Уснул от трудов, Сампсон российский.

Трудолюбием подал силы воинству,

Бедствием же своим безопасие отечеству.

Но, о прменения жалостного!

Почившу же ему временно, вечно же торжествующу,

Стонем мы и сетуем.

На четвертой: от строения флота

Нового в мире, первого в России Иафета,

Власть, страх и славу на море простершего

И нам в сообщении вселенную приведшего

Плавающего уже не узрим.

Ныне нам воды - слезы наши,

Ветры - воздыхания наши.

13 февраля гроб императора был перенесен в печальную залу; в первых числах марта увидели подле него другой гроб - шестилетней дочери Петра цесаревны Натальи. 8 марта тело императора было вывезено в Петропавловский собор; процессия разделялась на 166 номеров; гроб цесаревны несли. По окончании литургии в соборе взошел на кафедру Феофан

Прокопович и произнес знаменитую проповедь, начинавшуюся словами: "Что се есть? до чего мы дожили, о россияне! что видим? что делаем? - Петра Великого погребаем!" Проповедь была кратка, но говорение ее продолжалось около часа, потому что прерывалось плачем и воплем слушателей, особенно после первых слов. В утешение оратор решился сказать: "Не весьма же, россияне! изнемогаем от печали и жалости: не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет; сделал добрым любимую, любима и будет; сделал врагом страшную, страшна и будет; сделал на весь мир славную, славная и быти не пристанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Убо, оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам".

Тело посыпали землею, закрыли гроб, разостлали на нем императорскую мантию и оставили на катафалке под балдахином среди церкви. Так оставался он до 21 мая 1731 года.

31 марта 1725 года в Петропавловском соборе шла всенощная; входит генерал-прокурор Ягужинский, становится близ правого клироса и говорит, показывая на гроб Петра: "Мог бы я пожаловаться, да не услышит, что сегодня Меншиков показал мне обиду, хотел мне сказать арест и снять с меня шпагу, чего я над собою отроду никогда не видал".

Что же такое случилось, за что поссорились птенцы Петра? Меншиков обижает. Возведение на престол Екатерины было торжеством и спасением для светлейшего князя. В последнее время жизни Петра он мало мог иметь надежды возратить доверие и расположение императора; отнятие места президента Военной коллегии показывало ему, что государь не намерен ограничиваться одними угрозами и денежными взысканиями. Но смерть Петра и воцарение внука его грозили еще большею опасностью; и вот опасности больше нет, восходит на престол Екатерина, которая до последней минуты была ревностною защитницею Меншикова, при которой он будет сильнее, чем когда-либо был при покойном императоре. Надежды, по-видимому, сбылись: Меншиков получил такую большую власть, какую только подданный может иметь, доносили иностранные министры дворам своим. Место президента Военной коллегии было ему возвращено. Меншикову по его характеру хотелось бы еще больше силы и власти, больших почестей, и Екатерина, как видно, должна была сдерживать его алчность. Сдерживать было необходимо: враждебная ей сторона родовитых вельмож потерпела поражение, не могла возвести на престол великого князя, но она существовала и была сильна, тронуть ее, пренебрегать ею было очень опасно, а главным виновником неудовольствия этой партии был Меншиков; всего более оскорбляло громадное, подавляющее значение этого выскочки; дать еще большее значение Меншикову значило не только раздражить сильную партию, но и заставить броситься в нее и других людей, прежде от нее далеких и приверженных к Екатерине. Императрица не могла не видеть, что опасность только устранена на время, но не уничтожена, что она обязана своим восшествием на престол преимущественно малолетству великого князя Петра, который в глазах огромного большинства народа остается законным наследником, что, следовательно, партия родовитых вельмож будет всегда иметь поддержку в этом большинстве. В Петербурге гвардия на стороне Екатерины; но есть еще армия; постоянный страх нагоняла украинская армия, находившаяся под начальством популярнейшего из генералов - князя Михайлы Михайловича Голицына, который был совершенно в воле старшего брата, князя Дмитрия Михайловича. Враждебного движения украинской армии ждали в первые дни царствования Екатерины, и потом, когда возникало неудовольствие, начинали ходить слухи о заговоре против Екатерины в пользу великого князя Петра, сейчас же присоединялись слухи о движениях украинской армии. Отсюда понятны причины, почему Меншикова сдерживали. Ему хотелось быть генералиссимусом, хотелось, чтобы прекращено было всякое следствие по его злоупотреблениям, хотелось получить Батурина, которого ему не дал Петр Великий. Но 1725 год проходил, и Меншиков не получал желаемого. Приближалось

24 ноября, день именин Екатерины, и Меншиков обращается с письмом к Макарову, оставшемуся в прежнем значении и теперь; тон письма, униженный и повелительный вместе, всего лучше обрисовывает тогдашнее положение Меншикова: "В первом моем прошении включено о штрафе и о счете; но так как по приговору Сената, по силе милосердых ее императорского величества указов велено как с прочих со всех, так и с меня все штрафы снять, то вашу милость просим, о том ее величество трудить не извольте, а извольте доложить ее величеству по последнему нашему прошению и пунктам и по кратким табелям, которые я вам отдал, и сие изволите исполнить, не упустя нынешнего времени, в чем на вашу милость, яко на моего благодетеля, есмь благонадежен и пребываем вашей милости доброжелательный". Через день Меншиков подал письмо самой императрице: "Всенижайше просил я у вашего величества на поданные мои просительные пункты решения, на которые и ныне сим моим всенижайшим кратким письмом паки прошу милостивейшей резолюции, а именно о первом пункте (т. е. о звании генералиссимуса) предаю в милосердие вашего величества, а от его императорского величества хотя я тем был и не пожалован, однако ж по воле его величества то делал, что тому чину делать надлежит; и от его императорского величества в правительствующий Сенат, и в канцелярии, и во все государство указы были посланы за собственною его величества рукою, чтоб как от его величества, так и от меня посланных указов все слушали и по оным исполняли; и тако из сих двух резонов единое вашему величеству учинить возможно, и я прошу не для себя, но для самодержавной власти вашего величества. На прочие пункты (насчет Батурина) прошу не вновь какого награждения, но против данного от его величества диплома и собственною его величества рукою подписания вместо взятых моих вотчин; а о службе моей и верности как при животе его императорского величества, так и по кончине бывших вашему императорскому величеству известно: и того ради уповаю, что, ваше величество, по превысокой своей матерней ко мне милости в день тезоименитства своего тем меня обрадовать изволите". Но Меншиков не был обрадован: только в декабре 1725 года уничтожены счетные дела его, и только в июне 1726 года дан ему Батурин с 1300 дворами и 2000 дворов, принадлежавших к Гадяцкому замку.

Подле Меншикова виднее других при дворе Екатерины стоял граф Петр Андреевич Толстой по своим способностям, тонкому и твердому уму, умению дать делу желаемый оборот, наконец, по единству интересов; императрица, как замечали, решительно не могла обойтись без его советов. Но, конечно, и без советов Толстого Екатерина понимала, что если, с одной стороны, Меншиков был сила, которой она не должна была лишать себя при своем вовсе не твердом положении, то, с другой стороны, эту силу надобно было сдерживать, чтоб не возбудить всеобщего неудовольствия. По единству интересов Толстой не мог ссориться с Меншиковым; старик Апраксин по-прежнему крепко держался обоих; но третье самое видное лицо подле Меншикова и Толстого - Ягужинский - по характеру своему не мог щадить светлейшего князя при споре о делах и выходил из себя, особенно когда был *шумен*, по тогдашнему выражению. Так, 31 марта 1725 года в споре о внешней политике он наговорил множество оскорбительных вещей Меншикову и генерал-адмиралу Апраксину, после чего отправился в Петропавловский собор и там, как мы видели, громко жаловался на Меншикова, обращаясь к гробу Петра Великого. Скандал был страшный; императрица сильно рассердилась на Ягужинского. Герцог голштинский выпросил у нее прощение генерал-прокурору с условием, что он будет просить прощение у Меншикова и генерал-адмирала, что Ягужинский и исполнил.

Герцог голштинский выпросил прощение Ягужинскому; по крайней мере делу дан был такой вид; герцог же голштинский сильно хлопотал о возвращении Шафирова из ссылки, и Шафиров в марте 1725 года возвратился в Петербург и был очень милостиво принят императрицею и цесаревнами, хотя и не получил прежнего значения; по ходатайству герцога голштинского сын казненного князя Гагарина получил часть отцовского имения. Это новая сила! 21 мая 1725 года в Троицком соборе совершен был наконец брак герцога с старшею цесаревною, Анною Петровною, и по случаю этого торжества люди, известные своим нерасположением ко второму

браку Петра Великого и к детям от этого брака, получили важные награды; князь Михайла Михайлович Голицын произведен в фельдмаршалы, брат его, князь Дмитрий Михайлович, князь Василий Лукич Долгорукий, Граф Петр Апраксин произведены в действительные тайные советники. В 1725 году иностранные министры при русском дворе были уверены, что Екатерина объявит своею наследницею цесаревну Анну Петровну; герцог старался выставить себя с выгодной стороны, являлся примирителем вельмож, старался войти в Сенат, чтоб получить опытность во внутренних делах и познакомиться с духом народа. Говорили, что вельможам это было неприятно, потому что они хотели управлять государством при женщине. Это неудовольствие, однако, не было опасно для герцога: между вельможами не было единства, каждый старался опередить других в доверии императрицы. Говорили, что Екатерине нечего опасаться, если только она будет хорошо содержать войско, чрезвычайно ей преданное. Говорили также, что герцог голштинский не способен к самостоятельному действию, что им руководит министр его Бассевич, человек, соединявший с чрезвычайно пылким воображением смелость, способность втираться, но имевший мало скромности и правоты.

Вельможи хотели управлять при женщине и теперь действительно управляли. В ночь на 28 января много было говорено в пользу Екатерины, в пользу ее мужества и способностей правительственных, которые были развиты под руководством великого человека, не имевшего от нее тайн государственных. Но, оставя в стороне желание сторонников Екатерины превознести ее достоинства, мы должны заметить, что знаменитая ливонская пленница принадлежала к числу тех людей, которые кажутся способными к правлению, пока не принимают правления. При Петре она светила не собственным светом, но заимствованным от великого человека, которого она была спутницею; у нее доставало умения держать себя на известной высоте, обнаруживать внимание и сочувствие к происходившему около нее движению; она была посвящена во все тайны, тайны личных отношений окружающих людей. Ее положение, страх за будущее держали ее умственные и нравственные силы в постоянном и сильном напряжении. Но вьющееся растение достигало высоты благодаря только тому великану лесов, около которого обвивалось; великан сражен - и слабое растение разостлалось по земле. Екатерина сохранила знание лиц и отношений между ними, сохранила привычку пробираться между этими отношениями; но у нее не было ни должного внимания к делам, особенно внутренним, и их подробностям, ни способности починать и направлять. В этом отношении место Петра Великого оставалось праздным. А между тем поднимались со всех сторон вопросы, не терпящие отлагательства в решении. Среди развалин старого поднимались новые здания - иные недостроенные, другие только что начатые, третьи уже разрушающиеся. Великой трудности было дело разобраться в материале преобразования. Посмотрим же, как люди, оставленные Петром России, разбирались в нем.

В самом начале царствования, 5 февраля 1725 года, императрица указала: из подушных денег, из 74 копеек, убавить по четыре копейки. Но генерал-прокурор Ягужинский счел своею обязанностью подать императрице записку, в которой требовал более действительных мер для облегчения крестьян. "Конъюнктуры, - писал Ягужинский, - такого состояния суть, что прилежного и скорого рассуждения к поправлению нынешнего в государстве состояния требуют, и впредь как внутри, так и вне государства для целости государства и народа меры взять крайняя нужда настает. И хотя я, вашего величества низжайший раб по всепокорнейшей своей должности, доныне собственными трудами и всегдашним о всех нуждах напоминанием продолжал, однакож мало что успеваю, и большая часть токмо в разговорах о той и другой нужде с сожалением и тужением бывает, а прямо никто не положит своего ревностного труда; совесть же моя долее того смотреть не может, и тако, должность и совесть свою очищая, представляю о том вашему величеству. И чтоб обо всем вашему величеству совершенно быть известну, то, мнится, надлежит у всех господ министров порознь взять на письме, каким образом в настоящих конъюнктурах всякий по своей должности совет даст поступать; а как я усматриваю, не без нужды суть следующие: внутренняя опасность, что уже несколько лет хлебу

род худой и от подушного сбора происходит великая тягость оттого: а) что беглые и умершие и взятые в солдаты в 719 году не выключены; б) престарелые, увечные и младенцы, от которых никакой работы нет, в тот же оклад положены, а подушные деньги правят на наличных, чего ради в такое неурожайное время крестьяне не токмо лошадей и скот, но и семенной хлеб распродавать принуждены, а сами терпеть голод, и большая часть может быть таких, что к пропитанию своему впредь никакой надежды не имеют, и великое уже число является умерших ни от чего иного, токмо от голоду (и небезужасно слышать, что одна баба от голоду дочь свою, кинув в воду, утопила), и множество бегут за рубеж польский и в башкиры, чему и заставы не помогают, и такой после расположения полков на квартиры в душах ущерб является, что в одном Вологодском полку, который расположен в Казанской губернии, убыло с лишком 13000 душ, из которых показано умерших 8000, беглых - 3000, взятых в солдаты - 340, а прочие вдвое написаны и вывезены беглые на прежние жилища. Да в той же губернии из определенного числа душ на тамошний гарнизонный полк бежало в Башкиры 2043 души. И ежели далее сего так продолжить и подушные деньги править на оставших, то всякому Российского отечества сыну, соболезнуя, рассуждать надлежит, дабы тем так славного государства нерадивым смотрением не допустить в конечную гибель и бедство".

По мнению Ягужинского, необходимо было убавить еще подушную подать, потому что полки, находясь внутри государства, могут жить и на половинном жалованье. Офицеров отпускать попеременно домой; также надобно, хотя из младших братьев оставлять по хозяину в доме, ибо тогда только будут крестьяне в призрении и государственные сборы порядочны. Привести в исполнение указ Петра Великого, чтоб один из сенаторов объезжал все провинции для пресечения воровства и приведения в порядок сборов; он должен иметь право наказывать телесно и казнить смертью, иначе ни страха, ни порядка в провинциях не будет. Доходов всех около 8 миллионов, а нет ли какого ущерба, того без ревизии знать нельзя: надобно восстановить Ревизион-коллегию, чтоб могла без доклада Сенату считать и взыскивать. Всякое государство держится на двух подпорах - земледелии и торговле; но последняя теперь в чрезвычайно слабом состоянии. Тариф составлен и внесен в Сенат для апробации; но сенаторы так же опытны в торговом деле, как и в кузнечном, потому не диво, если что и просмотрено будет в тарифе. Всем известно, как портовые служители обижают купцов по тарифу, и так об этом надобно подумать, чтоб иностранное купечество не отогнать. Осенью 1725 года Ягужинский поднял крестьянский вопрос в Сенате. Ему возражали: "Неурожай не всеобщий: в других местах рожь родилась средняя, а яровой всегда родился изрядно, и пред прошлыми годами хлеб везде дешевле. Крестьян от побегов удержать можно таким образом: надобно из них выбрать сотников, пятидесятников, десятников и перепоручить всех круглою порукою, о чем из Военной коллегии указами объявлено, а ныне надобно о том вторично подтвердить, отчего побегу удержать можно, это будет крепче караулов, потому что все крестьяне друг друга принуждены будут караулить; нельзя тому стать, чтоб крестьяне друг о друге не узнали, ибо кто захочет бежать, то перед побегом спроваживают из домов в другие способные к побегу места скот и пожитки и с собою берут жен и детей, а иные перед побегом все продают". Но эти замечания не подействовали, Сенат дал императрице такое мнение: блаженной памяти государь император указал армию и гарнизоны положить на число мужеского пола душ и на содержание их брать со всех тех, которые написаны в сказках в 719 году, по 74 копейки с души, а прежде бывшие сборы все отставить; а в нынешнем, 1725 году ее императорского величества указом сбавлено по 4 копейки с души. Ныне действительным сбором оказалось, что никаким образом того платежа понести не могут, и осталось того положенного на них окладу в доимке на прошлый год близ миллиона; а сего года на прошедшие две трети собрано разве с малым чем половина по следующим невозможностям: 1) несколько лет неурожай; 2) платежом подушных денег земские комиссары и обретающиеся на вечных квартирах штаб - и обер-офицеры так притесняют, что не только пожитки и скот распродавать принуждены, но многие и в земле посеянный хлеб за бесценнок отдают и оттого необходимо принуждены бегать за чужие границы; 3) правят на наличных крестьянах подушные деньги за отданных в рекруты, умерших,

беглых, дряхлых, увечных и младенцев. Сенат предлагал: выключить убылых и на 1726 год взять с наличных по 60 коп., а на будущие годы брать по 70; уменьшить расходы на армию, уменьшить число войска.

Трудный вопрос, связанный с многими другими, был предоставлен решению другого учреждения.

В апреле 1725 года государыня указала правительствующему Сенату для доклада приходить к ней каждую неделю по пятницам; но в том же месяце уже пронесся слух, что над Сенатом будет поставлено новое высшее учреждение, членами которого будут немногие самые доверенные и знатные лица. В начале 1727 года эта мысль осуществилась по следующему, как рассказывают, поводу. В последних числах 1725 года в Сенате происходил жаркий спор: Миних прислал требовать 15000 солдат для окончания Ладожского канала; требование поддерживали Толстой и генерал-адмирал Апраксин, говоря, что необходимо окончить такую полезную работу, необходимо кончить ее и из уважения к памяти Петра Великого. Меншиков говорил против, указывал, что войска погибают на работах и что солдаты набираются с такими издержками и заботами не для того, чтоб землю копать. Ему замечали, что если бы несколько солдат и погибло на канале, то все же эта работа полезна для войска: солдаты заняты, а между тем сохраняются деньги, которые бы пошли на наем работников. Тут Меншиков покончил спор, вставши и объявивши по приказанию императрицы, что этот год ни один солдат не будет употреблен на канале, ибо она назначает для войска другое занятие. Сенаторы разошлись, крайне оскорбленные: совершенно равный им товарищ объявляет им волю императрицы и смеется над ними, заставляя их спорить понапрасну. Начали рассуждать о средствах, как бы сломить значение Меншикова; говорили, что не станут ездить в Сенат. В начале нового, 1726 года разнесся слух, что недовольные вольможи хотят возвести на престол великого князя Петра с ограничением его власти, что австрийский двор благоприятствует этому, что движение начнется в украинской армии, которую начальствует князь Михаил Михайлович Голицын. Толстой, видя опасность для Екатерины и ее дочерей, начал хлопотать, как бы прекратить неудовольствие, ездил к Меншикову, Голицыну, Апраксину, и результатом этих поездок и совещаний было учреждение *Верховного тайного совета*, где главные сановники должны быть членами с равным значением под. председательством самой императрицы, где, следовательно, никто не мог провести ничего без общего ведома и обсуждения. Указ об учреждении Верховного тайного совета, изданный в феврале 1726 года, говорил следующее: "Понеже усмотрели мы, что тайным действительным советникам и кроме сенатского правления есть немалый труд в следующих делах: 1) что они часто имеют по должности своей, яко первые министры, тайные советы о политических и о других важных государственных делах; 2) из них же заседают некоторые президентами в первых коллегиях, отчего в первом и весьма нужном деле, в Тайном совете, немалое им чинится помешательство, да и в Сенате в делах остановка и продолжение оттого, что они за многодельством не могут вскоре чинить резолюции и на государственные внутренние дела. Того для за благо мы рассудили и повелели с нынешнего времени при дворе нашем как для внешних, так и для внутренних государственных важных дел учредить Верховный тайный совет, при котором мы будем сами присутствовать. В том Верховном тайном совете быть при нас из первых сенаторов, а вместо их в Сенат выбраны будут другие, которые всегда при одном сенатском правлении будут. Быть при нас в Тайном верховном совете нижеписанным персонам: генерал-фельдмаршалу и тайному действительному советнику светлейшему князю Меншикову; генерал-адмиралу и тайному действительному советнику графу Апраксину; государственному канцлеру, тайному действительному советнику графу Головкину; тайному действительному советнику графу Толстому; тайному действительному советнику князю Голицыну; вице-канцлеру и тайному действительному советнику барону Остерману".

Избранные члены подали императрице "мнение не в указ о новом учрежденном Тайном совете": 1) "Тайный совет может для домашних и внутренних дел в среду, а для чужестранных дел в пяток съезжаться, но когда случится много дел, то назначается чрезвычайный съезд. 2) Так как ее величество в Тайном совете президентство сама имеет и есть причина надеяться, что она персонально часто присутствовать будет, то этот Тайный совет не следует считать за особливую коллегия, потому что он служит только к облегчению ее величества в тяжком бремени правления, все дела скорее будут отправляться, и не один человек будет думать о приращении безопасности ее величества и государства; чтоб безопаснее высоким ее именем указы выходили, надобно писать в них так: вначале - "мы, божиею милостию и проч.", в середине - "повелеваем и проч." и на конце - "дан в нашем Тайном совете". 3) Никаким указам прежде не выходить, пока они в Тайном совете совершенно не состоялись, протоколы не закреплены и ее величеству для всемилостивейшей апробации прочтены не будут, и потом могут они быть закреплены и разосланы действительным статским советником Степановым. 4) Рапорты, доношения или представления, которые могут приходиться на решение в Верховный тайный совет, подписываются прямо на имя ее императорского величества с прибавкою: к поданию в Тайном совете. 5) Когда ее величество сама присутствовать изволит, то в ее всемилостивейшее соизволение о том предлагать, что заблагорассудит; когда же она присутствовать не изволит, то лучше каждому члену дать какой-нибудь департамент или повытье, о каких делах он предлагать имеет, дабы прежде довольно рассудить: а) потребное ли это дело; б) как его лучше решить, дабы тем легче было императорскому величеству принять свое решение. 6) В Тайном совете надобно два протокола держать: один - образом журнала, который подписывать не нужно; другой должен содержать резолюции и определения, и его члены закрепляют. 7) Тайному совету надобно иметь свою канцелярию и дела разделить, чтоб все порядочно было и без конфузии благовременно отправлено быть могло. Так как эта канцелярия должна служить образцом для других, то надобно, чтоб в ней не было столько ненужной переписки и штат ненужными служителями не отягощать; поэтому в учреждении канцелярии надобно поступать очень осторожно и все постановить с великим рассуждением, дабы и в содержании секретных дел безопаснее было. 8) Чужестранные министры остаются при коллегии Иностранных дел; но коллегия должна всегда о предложениях их доносить ее императорскому величеству в Тайном совете. 9) Дела, подлежащие ведению Тайного совета, суть: а) чужестранные; б) все те, которые до ее императорского величества собственного высочайшего решения касаются. 10) Сенат и прочие коллегии остаются при своих уставах; но дела особенной важности, о которых в уставе нет определений или которые подлежат собственному решению ее императорского величества, они должны с своим мнением передавать в Верховный тайный совет. 11) Первые три коллегии (Иностранная, Военная и Морская) под Сенатом быть не могут, как и без того Иностранная никогда от него не зависела. 12) Апелляции на Сенат и на три коллегии к ее императорскому величеству должны быть позволены и рассматриваются в Верховном тайном совете; но если апелляция окажется неосновательною, то апеллировавший наказывается лишением жизни, чести и имени, чтоб ее величество и Тайный совет дерзкими апелляциями утруждаемы не были. 13) Так как Тайному совету принадлежит надзор над всеми коллегиями и прочими учреждениями, о чем еще разные полезные определения могут быть постановлены, то не надобно очень торопиться, потому что все это делается высочайшим ее императорского величества именем, дабы польза всей империи тем лучше могла быть получена и в народе наибольшее прославление находила и явна была. Так как сношения с Сенатом и другими коллегиями остановились затем, что не знают, как Сенат титуловать, ибо правительствующим уже писать невозможно, для того Сенату придать титул *высокоповеренный* или просто *высокий* Сенат. Синод пишет в Сенат указы о старых обыкновенных делах, о новых же доносит ее императорскому величеству в Тайном совете".

Императрица одобрила проект, только заметила на 3-й пункт: о важных делах, составя протоколы на мере и не подписав наперед для апробации ее императорскому величеству, вносить одному или двоим членам Совета и по апробации подписывать и в действо

производить. На 5-й: об особых департаментах составить особое мнение с изъяснением. На 13-й: не лучше ли Синоду с Сенатом сноситься промемориями или как прежде Синод сносился с Вышним судом; о новых же синодских делах и как Синоду впредь выдавать указы, об этом составить мнение с изъяснением. Отнявши у Сената титул *правительствующего*, сочли последовательным отнять его и у Синода.

Новость произвела сильное впечатление. Иностранным министрам представилось, что это шаг к перемене формы правления. Между сенаторами, не попавшими в Верховный тайный совет, страшное неудовольствие. Из шести членов нового учреждения старое родовитое вельможество имело только одного представителя - князя Дмитрия Михайловича Голицына; между пятью остальными, людьми новыми, выдвинувшимися при Петре Великом, не видали одного из самых видных - Ягужинского, который был в отчаянии: по всем вероятностям, в его исключении была сделана уступка Меншикову, с которым Ягужинский не переставал враждебно сталкиваться и после описанной истории 31 марта. Обижен был Матвеев, которого как сенатора отправили ревизовать Московскую губернию; на его место председателем Московской сенатской конторы отправили старика графа Ивана Мусина-Пушкина. И этот был сильно обижен. Сам старик и сын его, граф Платон, писали об этом Макарову. Чтоб обратить на себя внимание, старик просил увольнения от всех дел за старостью. Ему не отвечали, и он объявил, что если угодно ее величеству, то он остается у дел. "Покорно прошу, - писал он Макарову, - приложенное письмо вручить светлейшему князю, понеже я мню, что нет ли его светлости на меня какого гневу, ибо многое уже время от его светлости я к себе писем не имею, и на мои письма не изволит писать, и может быть, что здешние мои злодеи могут его светлости напрасно меня и обнести; токмо я ни в чем его светлость не прогневил, и прогневить мне невозможно за его ко мне и к детям моим милость, и по указам его светлости всегда без всякие противности все исполнял; того ради вас прошу, если есть его светлости на меня гнев, прошу меня пред ним оправдать".

Ягужинский, Матвеев, Мусин-Пушкин не в числе членов Верховного тайного совета; а немец Остерман там! Мы видели деятельность Остермана при Петре Великом, видели, как он выдвинулся при нем. Как видно, Петр был недоволен Шафировым как вице-канцлером, быть может, по враждебности его отношений к Головкину; это видно из письма Скорнякова-Писарева к императору в октябре 1722 года: "О нем же, Шафирове, изволил ваше величество Павлу Ивановичу (Ягужинскому) и мне говорить, чтоб ему только сидеть в Сенате, а в коллегии Иностранных дел управлять Гаврилу Ивановичу (Головкину) и Остерману с прочими, а он и ныне ту коллегию за вице-президента ведает". Таким образом, с падением Шафирова возвышался Остерман. Однако Петр не дал ему звания вице-канцлера. После смерти Петра в начале нового царствования иностранные министры замечали, что Остерман не пользуется прежним значением, но это было ненадолго. Без Остермана обойтись было трудно. Юные, широкие натуры русских людей, оставленных России Петром, были мало склонны к постоянному усидчивому труду, к соображению, изучению всех подробностей дела, чем особенно отличался немец Остерман, имевший также важное преимущество в образовании своем, в знании языков немецкого, французского, итальянского, усвоивший себе и язык русский. И вот при каждом важном, запутанном деле барон Андрей Иванович необходим, ибо никто не сумеет так изучить дело, так изложить его, и барон Андрей Иванович незаметно идет все дальше и дальше; его пропускают, тем более что он не опасен, не беспокоен, он один, он не добивается исключительного господства: где ему? он такой тихий, робкий, сейчас и уйдет, скроется, заболит; он ни во что не вмешивается, а между тем он везде, без него пусто, неловко, нельзя начать никакого дела; все спрашивают: где же Андрей Иванович? Для министров иностранных это человек важный и опасный: он при обсуждении дела не закричит, как неистовый Ягужинский, но тихонько укажет на такую "конъюнктуру", что испортит все дело. 24 ноября 1725 года, 9 день именин императрицы, Остерман был сделан вице-канцлером; в начале 1726 года попал в список членов Верховного тайного совета. Каково же было узнать об

этом графам Мусину-Пушкину и Матвееву? Мусин-Пушкин думал, что могущественный Меншиков помешал ему быть членом нового верховного учреждения; но Меншиков сам скоро получил большую неприятность в этом учреждении. 17 февраля Макаров объявил в Верховном тайном совете, что "ее величества соизволение есть, дабы его королевское высочество герцог голштинский присутствовал в Совете, когда ему донесут, что бытность его потребна". Для Меншикова это было неожиданно; он спросил Макарова, так ли он понял повеление государыни и в точности ли объявил его Совету? Когда Макаров ответил утвердительно, то светлейший князь отправился к императрице для испрошения "вящей резолюции"; но этой вящей резолюции не последовало. 23 февраля герцог явился в заседание Совета и просил о занесении в протокол заявления его, что он хочет быть принят в Совете как член и товарищ, что он не хочет и не может один сам собою ничего определять и брать на себя, но желает вместе с другими членами советом и делом служить благу ее императорского величества и общему; герцог просит членов Совета при каждом деле объявлять свободно и откровенно свое мнение, что будет ему особенно приятно, тем более что он в русских делах еще неопытен. Как бы то ни было, однако герцог, как член царского дома заняв первое место, оттеснил светлейшего князя на второе.

В следующем году императрица сочла нужным изъясниться обстоятельнее насчет Верховного тайного совета: "В начале прошлого года изобрели мы запотребно при нас учредить Верховный тайный совет, состоящий из таких членов, которые все еще при его императорском величестве ближнейшей памяти в важнейших государственных делах употреблены были и на которых верность и ревностное радение к интересам нашим и к нашему и государства нашего благополучию мы совершенную надежду имеем; и понеже мы сей Совет учинили Верховным и при боку нашем не для чего иного, только дабы оной в сем тяжком бремени правительства во всех государственных делах верными своими советами и бесстрастным объявлением мнений своих нам споможение и облегчение учинил, и тако все дела по довольном зрелом и совестном уважении и рассуждении от нас решены и потому отправлены быть могли. Того ради и наше всемилостивейшее соизволение есть, чтоб не токмо о делах, по учиненному от нас регламенту в сей Верховный тайный совет вносимых, но и обо всех других до нашей и государства нашего пользы касающихся в оном наперед зрелое рассуждение и верные, совестные и бесстрастные советы отправлены, общие мнения записаны и со оными потом нам для получения нашего всемилостивейшего решения предложены были. И дабы сие впредь вящим порядком к пользе нашей и государства нашего учинено быть могло, того ради изобрели за благо следующие определения учинить: 1) понеже любезнейший наш зять, его королевское высочество герцог голштинский, по нашему милостивому требованию в сем Верховном тайном совете присутствует и мы на его верное радение к нам и к интересам нашим совершенно положиться можем, того ради и его королевское высочество, яко наш любезнейший зять и по достоинству своему не токмо над прочими членами первенство и во всех приключаящихся делах первый голос имеет, но и мы его королевскому высочеству позволяем из других Верховному тайному совету подчиненных мест все такие ведомости требовать, которые к делам, в Верховном тайном совете предложенным, для лучшего оных изъяснения ему потребны могут быть. 2) Повелеваем, чтоб никто никакие дела, до нашего решения и до рассуждения сего нашего Верховного совета принадлежащие, собою и партикулярно отнюдь не отправлял, но обо всем наперед во оном Верховном тайном совете предлагал, дабы с зрелого рассуждения и общего совета обо всем определение учинено быть могло, разве от нас кому партикулярно и особливо что учинить повелено будет. 3) Повелеваем, дабы такожде из каких партикулярных канцелярий никакие дела, до другого суда или коллегии касающиеся, отправлены не были, но для отправления и исполнения отосланы были, куда оные по званию своему принадлежат. 4) И понеже наше всемилостивейшее соизволение есть, дабы обо всех делах, до наших и государства нашего интересов касающихся, наперед в Верховном тайном совете для общего зрелого рассуждения предложено было, того ради и мы впредь никаких таких партикулярных доношений о делах, о которых в Верховном тайном совете предложено и общее мнение записано не было, ни от кого

принимать не будем, разве кто имеет доносить о таких делах, которые никому иному, кроме нам самим, поверены быть могут. 5) Ежели случится, что в наших важных государственных делах между членами сего нашего Верховного совета разные мнения будут и по общем совестном и беспристрастном уважении всех тех мнений, однако ж между теми членами об одном мнении соглашено быть не может, то в таком случае те дела отнюдь в действо не произвестъ, несмотря на то, хотя б с которой стороны и больше голосов было, но должны тогда каждый свое мнение с обстоятельным изображением всех резонансов на письме во оном Совете подать и потом нам для решения об оных доложить. 6) И также дела в Верховном тайном совете лучшим и основательным порядком отправлены быть могут, ежели по примеру других государств дела между членами по особливым департаментам разделены будут, и для того такожде при учинении регламента Верховного тайного совета от нас всемилостивейше повелено было, дабы о таких департаментах особое мнение написано и нам всеподданнейше предложено было; но сие до сего времени еще не учинено: того ради надлежит немедленно тому учинить проект и нам об оном для всемилостивейшей апробации доложить".

Императрица объявила, что сама будет присутствовать в Верховном тайном совете; но 12 февраля Меншиков, как президент Военной коллегии, получил указ: "Хотя мы определили в Верховном тайном совете иметь консилии, или тайные советы, о всех важных делах, однако ж в которые дни не будем мы сами там присутствовать, то о важных воинских делах, а именно о состоянии армии и о движении оной, или которой дивизии, или нескольких полков, также и о приготовлении магазинов и о прочем, что к соблюдению секрета надлежит, доносить нам самим, яко президенту от Воинской коллегии, а кроме нас самих, рапортов и ведомостей никому не сообщать".

Нужно было прежде всего определить отношения нового учреждения к старому Сенату. 12 февраля Сенат слушал указ, присланный из Верховного тайного совета: в указе говорилось, что Сенат должен писать в Совет доношения, а Совет будет присылать Сенату указы; что с коллегиями - Иностранною, Военною и Адмиралтейскою - Сенат должен сношаться промемориями. Оскорбленные сенаторы определили, что так как в указе императрицы, объявленном им 9 февраля, повелено исправлять дела по указам, регламентам и сенатской должности, а не написано, чтобы Сенат подчинен был Верховному тайному совету, то указ, присланный из Верховного совета, возвратить туда с объявлением, что Сенат без указа за собственную рукою императрицы вопреки должности своей подчинить себя опасается. В силу этого решения сенатский экзекутор Елагин отправился к правителю канцелярии Верховного тайного совета Степанову с тем, чтобы возвратить ему указ. Степанов отвечал ему, что он не смеет принять от него указа и чтоб он ехал к членам Верховного тайного совета. Елагин возражал, что ему ни к кому ехать не велено, велено отдать указ ему, Степанову; а если он указа не примет, то он его положит. Степанов отвечал, что если он, Елагин, будет указ оставлять, то он ему его за пазуху положит. Тогда экзекутор повез указ назад, а на другой день Макаров приехал в Сенат с объявлением, что ее величество повелела исполнять указ, и в тот же день императрица словесно повторила сенаторам это повеление исполнять указ временно, пока дана будет подробная инструкция. Прежнее название Сената *правительствующий* заменено словом *высокий*. Определено, что "Сенат избирает собственных членов и представляет в Верховный тайный совет для утверждения; в штатские коллегии президентов и вице-президентов и советников Сенату выбирать, сперва кандидатов и оных для определения нам в Верховный тайный совет представить, а в другие коллежские члены и в прочие нижние чины выбирать по указу, как и прежде было, достойных. Сенату ж выбирать и объявлять в провинции воевод, ассессоров, камериоров, рентмейстеров и земских и судных комиссаров; в губерниях - президентов в надворные суды и земских секретарей; а губернаторов, вице-губернаторов, обер-комендантов и комендантов, которые из воинских чинов, таких выбирать, снесшись с Воинскою коллегиею, и нам в Верховном тайном совете для определения представлять".

28 марта в Верховный тайный совет допущены были сенаторы и обер-прокурор с доношениями и слушан реестр этим доношениям; повелено: доношения принять и доложить в другое собрание. Но еще до впускания сенаторов герцог голштинский объявил свое мнение, что когда в Верховный тайный совет приходять будут сенаторы с делами, то при них этих дел не читать и об них не рассуждать, дабы они того, что Верховный тайный совет рассуждать станут, прежде времени не ведали, и, принимая у них доношения о делах, отпуская их и дела слушать без них, и потом, когда будет надобно, их призывать. С этим мнением все согласились и определили поступить по сему. Герцог не понимал по-русски; чтоб помочь беде, 18 апреля допущен был в Верховный тайный совет молодой князь Иван Алексеевич Долгорукий (внук Григория Федоровича), сказан ему чин в камер-юнкеры и велено быть при герцоге голштинском для перевода с русского языка на немецкий. Герцог продолжал заниматься отношениями Сената к Верховному тайному совету: так, в июле он спрашивал, на все ли посланные в Сенат указы репортуют, исполнено или не исполнено и почему не исполнено? Ему отвечали, что на некоторые указы есть ответы, а на некоторые нет, и на какие именно указы нет ответа, тем представлена роспись. Все члены согласно приказали послать в Сенат указ, чтоб немедленно исполняли те указы, на которые не отвечали, и дали бы ответ, почему так долго не репортовали.

Осенью 1726 года опять поднялся крестьянский вопрос в связи с финансовым, и от членов Верховного тайного совета потребованы были мнения относительно пяти пунктов: 1) каким образом облегчить крестьянство в подушных деньгах? 2) Снимаемую с крестьян сумму, необходимую для поддержания армии, из каких доходов добавить? 3) Как рассмотреть штат? 4) Как исправить денежное дело, 5) юстицию, 6) торговлю? Приглашены были к подаче мнений по этим вопросам и другие сановники. Меншиков, Остерман, Макаров и Волков подали такое мнение: "Как вредно для государства несогласие - о том нечего упоминать; это обнаруживается не только в духовных и других государственных делах, но и относительно бедных русских крестьян, которые не от одного хлебного недорода, но и от подати подушной разоряются и бегают, также от несогласия у офицеров с земскими управителями и у солдат с мужиками. Если армия так нужна, что без нее государству стоять невозможно, то и о крестьянах надобно иметь попечение, потому что солдат с крестьянином связан, как душа с телом, и, когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата. Теперь над крестьянами десять и больше командиров находится вместо того, что прежде был один, а именно из воинских, начав от солдата до штаба и до генералитета, а из гражданских - от фискалов, комиссаров, вальдмейстеров и прочих до воевод, из которых иные не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися, называться могут; тому ж подобны и многие приказчики, которые за отлучкою помещиков своих над бедными крестьянами чинят, что хотят. Поэтому надобно всему генералитету, офицерам и рядовым, которые у переписки, ревизии и на экзекуции, велеть ехать немедленно к своим командам, ибо мужикам бедным страшен один въезд и проезд офицеров и солдат, комиссаров и прочих командиров, тем страшнее правож и экзекуции; крестьянских пожитков в платеж податей недостает, и крестьяне не только скот и пожитки продают, но и детей закладывают, а иные и врознь бегут. Надобно заметить, что хотя и прежде крестьяне бегали, однако бегали в своем государстве от одного помещика к другому, а теперь бегут в Польшу, к башкирцам, в Запорожье, в раскол: и так мы нашими крестьянами снабжаем не только Польшу, но и собственных своих злодеев. Сверх того, часто переменяемые командиры такого разорения не чувствуют, никто из них ни о чем больше не думает, как только о том, чтоб взять у крестьянина последнее в подать и этим выслужиться, не принимая в расчет того, что после крестьянин безо всего останется или и вовсе куда-нибудь убежит". После этого введения предложены были следующие меры: 1) для скорейшего облегчения крестьян в платеже подушной подати на 1727 год дать сроку до сентября-месяца. 2) Доимки платить помещикам в генваре, марте и апреле месяцах 1727 года, а которые помещики не заплатят, на тех доправить с процентом. 3) Сборы поручить воеводам, которым на помощь дать по одному штаб-офицеру в каждую провинцию; один штаб-офицер за свою провинцию лучше может ответ дать, чем многие, и вместо 500 командиров будет только 50 штаб-офицеров. 4) Чтоб у воевод не было распри с этими

офицерами, дать воеводам ранг полковничий на время воеводства. 5) Так как крестьяне ничем так не скудны, как деньгами, положить платеж подушного оклада наполовину деньгами или две трети, а другую половину или треть платить провиантом или фуражом. 6) Две части офицеров, урядников и рядовых, которые из шляхетства, отпустить по домам, а третью долю оставить при полках, иноземцев и беспоместных, которые без жалованья прожить не могут, отчего будет двойная прибыль: жалованье их в казне останется, деревни свои осмотрят и в порядок приводить станут. 7) Поставить полки на квартирах в хлебных местах, 8) Купечество в Российском государстве едва не совсем разорено, и так как оно воли требует, то рассмотреть в особой коммиссии, не полезнее ли будет купечеству дать волю ездить туда с товаром, куда ему способно, и для того отворить порт Архангельский. 9) Нельзя при этом случае не упомянуть о холстах российских, которыми прежде у города большой торг был, много тысяч крестьян кормилось и немалая пошлина в казну собиралась; а когда указ состоялся, чтоб не ткать больше узких холстов, но ткать холсты на широкие берда, то крестьянству прибыла не малая тягость и в казну убыток, потому что крестьянину широкого стану сделать нечем и широкого берда купить не сможет, а у иных крестьян и в избах столько места нет, где такой широкий стан поставить, да и широкие холсты за море мало потребны, больше узкие требуются; разорились от этого крестьяне северные, у которых хлеба мало родится. 10) К Архангельску провоз товаров дешевле был, чем к Петербургу: от Москвы до Архангельска с пуда по гривне и по три алтына, от Ярославля - по 6 и 5 копеек, с Вологды - по 4 и 3 копейки; В Петербург из Ярославля и из Москвы - по 6 алтын и по 2 гривны, а из дальних мест - по полуполтине и по 10 алтын и больше. 11) Лишних управителей, и канцелярии, и конторы, земских комиссаров, вальдмейстеров и прочих тому подобных вовсе отставить, равно как и Мануфактур-коллегию. Можно определить из больших фабрикантов без жалованья, которые хотя на один месяц зимою для совета в Москву будут съезжаться, и без приговоров и протоколов коллежских все неважные определения делать, а о важных доносить. 12) Нельзя не упомянуть, что кроме штата одним отставным и к сборам определенным солдатам идет жалованья около 70000 рублей; этого прежде не бывало и пользы от того никакой нет, кроме ссор и кражи, и для того не лучше ли положить все эти сборы на магистраты?" Канцлер граф Головкин подал мнение, чтоб все дела исправлять воеводам под надзором губернаторов; губернаторам, чтоб не употребляли во зло свою власть, дать в товарищи ассессоров человека по три или четыре; на губернаторов должна быть апелляция в Юстиц-коллегию. По мнению князя Дмитрия Михайловича Голицына, посадские люди по городам должны быть в ведении губернаторов, потому что теперь у них нет охранителя и защитника, особенно от проезжих в постояях и других нападках. "Я при этом не имею в виду уничтожения магистрата, - замечал Голицын, - потому что посадские люди о всяких своих нуждах будут обращаться в Главный магистрат". Торговля в государстве, по мнению Голицына, должна быть вольная, в руках народа, а в одни руки ее отнюдь допускать не надобно; также и государевы торги выгоднее пресечь и отдать в народ же, которому позволить всюду в государстве и за границую торговать, ибо интерес государства соблюдается одинаково, где бы торговля ни отправлялась, лишь бы государство от того обогащение себе имело; и для распространения торговли в Петербурге достаточно уменьшить пошлину, также и торгующим, особенно приезжим иноземцам, давать всякие льготы, в торговле безопасность от убытков и всячески их приманивать. Генерал-адмирал Апраксин для исправления финансов предлагал вычет из жалованья, увольнение военного шляхетства в дома, в платежах ведать крестьян помещикам, солдат поселить в городах.

Подал мнение и герцог голштинский. Касательно облегчения крестьян в подушных деньгах он предлагал по примеру Швеции и других государств определить возраст, прежде и после которого крестьянин не должен платить, по неспособности к работе, именно 10 и 60 лет; также назначить срок, после которого крестьяне не обязаны платить за беглых своих собратий. Теряемая на крестьянах сумма может быть пополнена отчасти уничтожением, отчасти сокращением многих специальных и частью ненужных канцелярий и контор. Относительно штата и денежного дела учредить особую комиссию, причем сделать различие между

внутренними областями и завоеванными землями (Прибалтийским краем), ибо в первых всякое учреждение может быть основано только на экономических соображениях, а в других - на трактатах и привилегиях. Касательно юстиции очень полезно было бы прибавить в Юстиц-коллегию несколько человек, знающих русские права, и двух человек, знающих права немецкие, особенно лифляндские; если же не угодно будет платить жалованье последним, то предоставить окончательное решение дел гофгерихту в Риге и обер-ландгерихту в Ревеле или с апелляциею прямо в Сенат или Верховный тайный совет. "Что касается поправления коммерции, - писал герцог, - то я думаю, что сбавка пошлин и уничтожение больше всего вредных для торговли и промышленности откупов, как то в Швеции я сам усмотрел и многими иными примерами доказать могу, к поправлению коммерции немало способствовать могут".

С 4 ноября в Верховном тайном совете началось рассуждение, каким бы образом сделалось крестьянам облегчение в сборе подушных денег, ибо до того дойдет, что взять будет не с кого, бегут за рубеж и в дальние сибирские города. Рассуждали, что надобно сбавить по 12 или по 20 копеек с души. При этом граф Толстой предлагал, что необходимо ревизовать в приходах и расходах Военную, Адмиралтейскую и Камер-коллегию, а что велено взять у них только ведомости, от того дело только затянется, а крестьянам никакой пользы не будет. 14 ноября, когда рассуждали об инструкции, посланной из Военной коллегии во все губернии к генералитету, то граф Толстой опять представлял, что в этой инструкции есть пункты, очень тяжкие для народа. Через месяц Военная коллегия, вероятно вследствие внимания, обращенного на ее действие, представила доношение, что для облегчения крестьян надобно брать с них натурою, а не деньгами. Все уже согласились на эту меру, как опять Толстой начал говорить, что если брать во всех местах вообще натурою, то это может быть тяжело для народа: в одном месте съестные припасы будут в низкой цене, а верстах в девяти или двадцати они продаются высокою ценою; поселянин для своей выгоды лучше отвезет туда и продаст, а указные подати деньгами заплатит; так лучше отдать крестьянам на волю, кто хочет платить деньгами, кто натурою. "Оное предложение Верховный тайный совет принял за благо". Рассуждение о крестьянах продолжалось и в 1727 году: 30 января решено вывести из уездов генералитет, штаб - и обер-офицеров, которые находятся у сборов и на экзекуциях и которые посланы для ревизии. Подушный сбор положен на воевод, которым на помощь придается в товарищи по одному из штаб-офицеров на каждую провинцию; а чтоб у воевод не было с этими офицерами распри, то провинциальным воеводам дан ранг полковничий на время, пока будут воеводами; воеводы и с ними означенные штаб-офицеры подчиняются губернаторам. А которые офицеры посланы для сбора рекрут, тех, по представлению Меншикова, решено не высылать, пока рекруты собраны и для отводу в полки приняты будут; однако выбирать рекрут губернаторам и воеводам, офицерам же понуждать, чтоб были собраны и им отданы немедленно. Наконец в феврале издан указ, что на майскую треть 1727 года с крестьян подушной подати не брать; что недобрано за прошлые годы из подушного сбора, то выбрать непременно до сентября-месяца, а платить эту доимку за крестьян самим помещикам или в небытность их в деревнях приказчикам, старостам и выборным, править на них, а не на крестьянах, ибо известно, что в небытность помещиков в деревнях приказчики их что хотят, то делают, следовательно, и доимки причиною они.

Считали тяжелою для крестьян подушную подать; но ревизия, сделанная графом Матвеевым в Московской губернии, показала ясно, что крестьяне отягчены не подушною податью, а людьми, приставленными управлять ими и которые хотели кормиться на их счет, - зло, от которого страдала древняя Россия и против которого новая, преобразованная Россия не имела еще средств, несмотря на все усилия преобразователя. Матвеев получил такую инструкцию: "Понеже блаженной памяти его императорское величество повелел из сенатских членов одному для лучшей государственной пользы и управления дел ездить по государству погодно и смотреть, чтоб делали правду, того ради мы заблагорассудили отправить вас в Москву, куда вам, прибыв и разведав, где есть больше в ближних провинциях Московской губернии

неисправностей от управителей и от народа жалоб, в те провинции наперед и ехать и чинить следующее: 1) осмотреть за гражданскими управителями, а наипаче в провинциальных судах, что правдою ли людей судят? 2) Также земские комиссары и офицеры порядочно ли подушные деньги с крестьян собирают и не чинят ли им каких обид и налогов в строении вечных квартир или в чем другом и все ль во врученных им делах по указам поступают? 3) И ежели что усмотрите за управителями и земскими комиссарами противное указам, то следовать и чинить решение, снесшись с генералитетом и штабом, которые в тех провинциях определены; а которые явятся в важных преступлениях, и тех держать за крепким караулом, а между тем писать к ним в Кабинет сокращенно, а подлиннее в Сенат".

Матвеев отправился и в конце августа 1726 года писал Макарову: "В Александровой слободе всех сел и деревень крестьяне податями дворцовыми через меру их гораздо неосмотрительно от главных правителей слободы той обложены и отягчены; уже множество беглецов и пустоты явилось; и в слободе не токмо в селах и деревнях не крестьянские, но нищенские прямые имеют свои дворы; к тому ж и не без нападных тягостей к собственной своей, а не ко дворцовой прибыли". Из Переяславля-Залесского другое письмо: "Непостижные воровства и похищения не токмо казенных, но и подушных сборов деньгами от камерира, комиссаров и от подьячих здешних я нашел, при которых по указам порядочных приходных и расходных книг здесь у них отнюдь не было, кроме валяющихся гнилых и непорядочных их записок по лоскуткам; по розыску ими более 4000 налицо тех краденых денег от меня уже сыскано. По тем же воровским делам изобличился в рентерее их первый подьячий Бурнашов, который, забрав все указы и письма приказные, отсюда вывез в деревню свою и скрыл, и те от меня ныне в сундуках и кульках сысканы. Нашел я еще здесь остаток школы бывшего обер-фискала вора Нестерова и клеветы его, бывшего здешнего провинциал-фискала Саввы Попцова. Здесь ныне человек с 30 за караулы крепкими содержатся". В Суздале Матвеев учинил экзекуцию: повесил копииста комерирской конторы да пищика за похищения из подушного и других сборов 1101 рубля; другие из подьячих были жестоко наказаны, и впредь им у дел быть не велено; похищенных денег и со штрафом взыскано 4539 рублей. В Суздале ревизор пробыл долго; 24 ноября, в день именин императрицы, он угостил всякого чина людей 70 человек "до положения риз", по его выражению; отсюда же он писал: "В здешнем городе великое со дня на день умножение из крестьян нищеты, человек по 200 и больше, и отовсюду их, крестьян, в низовые города побег чинится многочисленный от всеконечной их скудости, подушного платить нечем. Крестьяне синодальной команды подают прошения об обидах и излишних сборах сверх положенного на них подушного оклада". Так было в Московской губернии; но что было в других? В январе 1726 года велено Новгородской провинции комиссаров Никиту Арцыбашева, Григорья Баранова, которые в Обонежской пятине у сбора денежной казны явились в презрении указов, и в похищении казны, и в излишних сборах и взятках, казнить смертию, повесить в той Обонежской пятине также подьячего Волоцкого и, написав вины их на жести, прибить к тем виселицам и так их с виселиц не снимать. Облегчение в платеже подушных денег, вывод военных команд - вот все, что могло сделать правительство для крестьян в описываемое время. Но искоренить главное зло - стремление каждого высшего кормиться на счет низшего и на счет казны - оно не могло; для этого нужно было совершенствование общества, а этого надобно было еще ждать. В этом ожиданий крестьянские побегии не могли прекратиться, несмотря на жестокие наказания, которым подвергали людей, содействовавших побегам. На западной границе пойманы были двое крестьян, которые за 4 алтына провели ночью мимо застав за польский рубеж крестьянина с женою и детьми. Их было велено пытать накрепко, не знают ли они других таких, которые за рубеж бежать подговаривали и мимо застав проводили. По розыску велено было их повесить на тех местах, через которые они проводили тайно беглых, тел их с виселиц не снимать и публиковать в Смоленской провинции в знатных селах и деревнях и прибить листы о винах их, дабы другие, смотря на такую казнь, того чинить не дерзали.

Крестьянский вопрос был тесно связан с финансовым. Вследствие облегчения крестьян будет убыль в доходах, надобно, следовательно, сократить расходы. Указывали на лишние канцелярии, конторы и даже коллегии; и в тех коллегиях, которых коснуться было нельзя, указывали на слишком большое число членов, отчего в жалованье происходит напрасный убыток а в делах успеха не бывает. В Верховном тайном совете решили оставить в каждой коллегии по шести человек, а именно: президента, вице-президента, двоих советников, двоих ассессоров; одной половине из них быть в Петербурге при коллегии, а другой жить по домам с переменою погодно; также, где есть прокуроры и экзекуторы, тем между собою переменяться погодно, и которые будут в Петербурге, тем жалованье давать, а которые по домам, тем не давать. Императрица утвердила это решение Совета с тою прибавкою, чтоб отпускать коллежских членов домой по примеру офицеров, именно тех, которые сами захотят; также утвердила решение Совета, чтобы Штатс-контору подчинить Камер-коллегии и быть президенту одному.

Мы видели, что при Петре для судных дел определены комиссары в тех городах, которые от провинциальных городов в расстоянии 200 верст и больше, и суду этих комиссаров подлежали иски не более как в 50 рублей. Теперь нашли обременительным для жителей подобных городов по всякому иску, который больше 50 рублей, ездить за 200 и более верст, и потому по всем городам суд отдан воеводам, причем недовольные получили право переносить свои дела к воеводе провинциального города; от последнего дела переносились в надворные суды. Императрица утвердила это решение Совета, рассуждая: первое, что чин воеводский уездным людям в отправлении всяких дел может быть страшнее; второе, что и по прежнему обыкновению в таких же городах, которые приписаны были к большим городам, бывали также воеводы; указом же от 24 февраля 1727 года велено было "как надворные суды, так и всех вышних управителей, и канцелярии, и конторы земских комиссаров, и прочих тому подобных вовсе отставить и положить всю расправу и суд по-прежнему на губернаторов и воевод, а от губернаторов апелляцию в Юстиц-коллегию, чтоб нашим подданным тем показано быть могло облегчение, и вместо бы разных и многих канцелярий и судей знали токмо одну канцелярию, и на многих бы судей и на их подчиненных в даче жалованья напрасного убытку не было". Крестьяне, приказчики и прочие чины синодского ведомства, кроме духовных, в судных и розыскных делах отданы также в ведомство губернаторов и воевод. В Верховном тайном совете рассуждали также, что теперь в провинциальных городах воеводы и с ними по несколько человек ассессоров, секретарей; кроме того, особливые канцелярии и конторы имеют камериры, рентмейстеры и валдмейстеры, при которых состоят подьячие и солдаты, отчего происходит: 1) в делах непорядки и продолжения; 2) в даче жалованья напрасный убыток; 3) народу от многих и разных управителей тягостей и волокиты. А так как прежде бывали во всех городах одни воеводы и всякие дела, как государевы, так и челобитчиковы, также по присылаемым из всех приказов указам исправляли одни и были без жалованья, и управление одним человеком было лучше, люди были довольны, то Совет решил изложить все эти обстоятельства и доложить ее величеству. Императрица утвердила, что в провинциях, кроме Петербурга, Москвы и Тобольска, рентмейстерам и их подчиненным не быть, а быть как у сборов, так и у расхода одним камерирам. Указом от 7 марта 1727 года уничтожена рекетмейстерская контора при Сенате и должность генерал-рекетмейстера велено исправлять сенатскому обер-прокурору.

Еще только рассуждали, принимали меры относительно сокращения расходов, а между тем правительство получило заявления, что доходов недостает для поддержания самых важных учреждений прошлого царствования. В ноябре 1726 года тайный кабинет-секретарь Макаров объявил в Верховном тайном совете, что из Кронштадта писал в Кабинет вице-адмирал Сиверс, требует 30000 рублей на поправку самых нужных тамошних работ, и если не будет прислано, то и больше разорится; и хотя деньги на кронштадтские постройки обыкновенно шли из Кабинета, то теперь в Кабинете денег очень мало, и в Верховном тайном совете надобно искать способа, откуда на этот предмет взять денег. Не угодно ли будет взять из почтовой конторы тысяч десять

рублей; также справиться, нельзя ли сыскать какую-нибудь сумму в канцелярии бывшего Вышнего суда; дела этой канцелярии давно именным собственноручным указом велено разослать в разные другие места по принадлежности, но они и до сих пор не разобраны, и от того канцелярским служителям идет понапрасну жалованье, а дел никаких нет. Определили справиться, где какие есть деньги, нашли в Камер-коллегии 20000 рублей и отослали Сиверсу.

Мы видели, что в программе необходимых мер выставлена была и поправка денежного дела. В начале 1727 года для необходимых крайних государственных нужд, для облегчения народного в податях велено было как можно скорее увеличить число медной пятикопеечной монеты, на первый раз сделать не меньше двух миллионов; велено чеканить их старым штемпелем под тем видом, что готовятся они только на перемену старых пятикопеечников, а что сверх того будет сделано, чтоб о том никто знать не мог; велено поступать с великою осторожностью, чтоб в других государствах прежде времени об этих новых деньгах не узнали и предосудительного для России рассуждения не имели. Для устройства этого дела отправлен был в Москву генерал-майор Александр Яковлевич Волков. Московские монетные дворы изъяты были из ведения Берг-коллегии и отданы в ведение Кабинета, непосредственно же были поручены президенту Сенатской конторы графу Ивану Александровичу Мусину-Пушкину и при нем сыну его, статскому советнику графу Платону, да Берг-коллегии советнику Василью Никитичу Татищеву, только что возвратившемуся из-за границы. Татищев получил такую инструкцию: "Ехать в Москву и чинить там по сему: 1) понеже на монетных московских дворах весов равных и исправных нет, отчего происходят казне государственной убытки и многим невинным людям обиды и разорения, для этого освидетельствовать весы и, если найдутся фальшивые, заарестовать. 2) По розыскам явилось, что денежных дворов мастера и работники крадут с денежных дворов золото, серебро и снасти для делания воровских денег, из чего многих людей погибель и разорение происходит, причина же тому, знамо, из того, что или строения недовольно тверды, или смотрения недостает".

8 февраля Волков приехал в Москву и вручил указ графу Мусину-Пушкину. "Хотя сего старца, - пишет Волков, - нашел я весьма дряхла, однако ж к исполнению повеления показал себя зело ревностна; возблагодаря бога за высокоmaterнее вашего величества к народу милосердие, от великой радости прослезился и того часу вступил в дело". Волков вместе с графом Платоном Мусиным-Пушкиным сочли нужным ездить на монетные дворы каждый день по два и по три раза, иначе все бы дело "раковымходом" пошло. "Непорядка и разорения монетных дворов изобразить никоим образом нельзя, - писал Волков. - Я не могу, рассудить, с какою совестью прежние управители так чинили. Истинно, как после неприятельского или пожарного разорения, все инструменты разбросаны без всякого призрения, многие под снегом на дворах находятся, деревянное гнило, а железное перепорчено, для этой починки я определил целую слободу артиллерийских кузнецов; как управители, так и минцмейстеры до сих пор не могут знать, что у них целого и что испорченного, и, когда дело пришло к началу, хватились - нет ни форм, во что плавить, ни мехов к кузницам, для чего послал я нарочно одного офицера в Тулу на железные заводы". Татищев в письмах своих к Макарову вторил Волкову: "Осмотрел я все денежные дворы и нахожу их так, как они во время поляков брошены, и до сего дня в них никто не бывал. Если мы все медные копейки из народа выведем, то будет очень трудно, потому что серебряных очень мало и на размену малых торгов недостаточно, особенно для крестьян пятикопеечники неудобны, поэтому надобно делать копеек столько же, как было. Полушки для бездельной их работы подают причины к воровству, надобно их переделать, и так как на монетных дворах управиться с этим невозможно, то надобно сделать водяные машины. Весы я освидетельствовал и нашел, что присланный со мною из Берг-коллегии пуд здешнего тяжелее девятью золотниками; здешние гири деланы по присланной из коллегии гире, только так дурно, что и между собою по золотнику несходны, присланная же со мною фунтовая гиря явилась перед здешнею четвертью тяжелее, только и эта неправдивая, и потому видно, что в Берг-коллегии правильных гирь нету, откуда проистекает немалый государственный вред, о чем я

доносил ее императорскому величеству с представлением, как устроить дело. Имеются здесь в разных канцеляриях разные описные пожитки, между которыми много находится золота и серебра в мелочах и в выжиге, также в окладах и образах. С образов оклады снимать не надобно без крайней нужды, но променивать их - битые на ефимочное, а золоченые на чистое серебро, охотников на такой промен много; но так как продажа их происходит из разных мест, то происходит великое похищение и ограбленным обида, поэтому надобно было бы особенную контору для этого сделать". В марте-месяце Татищев писал, что уже дело идет успешно: "Монетные дворы от бывшего их разорения в такое состояние, в каком они теперь, и в год привести было бы нельзя, если бы делать не - с такою силою и властью, с какою Александр Яковлевич делал. Поистине удивительно, что в такое короткое время почти все вновь сделано, и можно уже надеяться на бога, что дело пойдет без остановки, только б такая была помощь после него, как теперь".

"Как исправить юстицию?" - стояло в программе. Как исправить юстицию, когда нет ни уложения, ни свода законов, могли спрашивать со всех сторон. Дело уложения остановилось, потому что из членов комиссии, назначенной при Петре, осталось только двое. Вероятно, вспомнили, что при царе Алексее Михайловиче Уложение было составлено скоро и при его составлении были выборные из разных чинов; не пойдет ли дело успешнее при этом способе? Сенат, рассуждая, "дабы уложение при довольном числе членов сочиняемо было с поспешением, приказали: быть при том сочинении членам из духовных, из военных, из гражданских и из магистрата по две персоны". Разумеется, эти персоны не могли помочь делу без предварительной работы, которая была поручена обер-секретарям Ключареву, Сверчкову, Познякову и секретарю Веселовскому, при которых находился переводчик. Всем им сказан указ с запискою, чтоб они уложение к окончанию привели и принадлежащие чужестранные права, которые указом повелено, с российским уложением по главам свели в 1726 году непременно, а если они в том учинятся неисправны, то жалованье им давать не будут. Угроза не подействовала: обер-секретари учинились неисправны. Остерман придумал средство для ускорения дела - поручить его немцу. В конце 1726 года он предложил Верховному тайному совету, что есть профессор Вренгиштейн науки высокой: не дать ли ему комиссию для поправления уложения? Определили: выписать на меморию. В 1726 году занялись архивами: по доношению Вотчинной коллегии велено для лучшего содержания вотчинных дел в государственном архиве в добром охранении и порядке все столпы, имеющиеся в Вотчинной коллегии, переписать в тетради и переплести в дестевые книги и впредь этих столпов более никуда из государственного архива не брать, а содержать их для споров в сохранном сухом месте. Для этого велено учредить особую комиссию, выбрать из знатного шляхетства одного, да из прежде бывших обер-секретарей одного, да к ним приять трех секретарей, а для переписки дел взять из губерний и из больших провинций по одному канцеляристу, а из прочих по одному копиисту и быть им в С. - Петербурге погодно с переменою, а вместо жалованья давать им от каждой исправленной тетради по 10 копеек.

Как исправить торговлю? - стояло в конце программы. Мы видели, что поднят был вопрос о том, нужно ли стягивать торговлю в Балтийском море. В ноябре 1726 года князь Куракин писал из Голландии, советуя восстановить торговлю в Архангельске. Императрица объявила, что сама будет говорить об этом в Верховном тайном совете; велено Сенату снестись с другими коллегиями и сделать справки, чтоб яснее можно было донести об этом ее величеству. 19 декабря слушано было сенатское доношение о свободной торговле и рассуждали учинить доклад с предложением мнения о поручении комиссии о купечестве барону Остерману, потому что способнее его к такому делу другой персоны не изобрели. 30 декабря дело о вольной торговле было решено, позволено везти товары куда хотят - в Архангельск или в Петербург; а 30 января 1727 года купцы голландские, английские и гамбургские подали в Верховный тайный совет просьбу - назначить вместо умершего Баженинова в президенты к купеческим делам в Архангельске купца Ивана Рычкова. Просьба была исполнена. Так как больше всего боялись

ненужных расходов, то в мае 1726 года в Верховном тайном совете происходило рассуждение о корабле, который был изготовлен к отпуску во Францию - отпускать ли? будет ли прибыль из этой посылки? Императрица сказала, что надобно отпустить, хотя бы убытки были: надобно отпустить, во-первых, для обучения в навигации; во-вторых, для слуху народного, что русские корабли ходят во французские гавани. Сенат представил о необходимости допустить в компанию к русским корабельным компанейщикам иностранца Борста для содержания порядочной конторы и заморской корреспонденции. Верховный тайный совет согласился, но с таким изъяснением, чтоб русские купцы постарались лет в 10, а по меньшей мере в 15 выучить конторных служителей русских. Ввиду торговых удобств на сибирских заводах сделано было такое распоряжение: велено было из тамошней меди делать вместо монет *платы*, потому что они удобны в купечестве и во всяких расходах, от них купцам и всяким промышленникам, счетчикам, сборщикам тягости не будет; не будет в счетах продолжения и от плохих монет спору и убытков; всякий может их, как и прочие товары, внутри и за границу посылать без опасения убытка, потому что они по внутреннему их весу и по доброте материала равны с серебряными и золотыми добрыми монетами, от чего торгу и вексельному курсу никакой убыли не будет.

Относительно городского управления в указе от 24 февраля 1727 года велено было магистраты для лучшего посадским охранения подчинить губернаторам и воеводам. Тем же указом уничтожалась Мануфактур-коллегия: "Всем фабрикам ведомым быть в Коммерц-коллегии, а для неважных дел определить из самих фабрикантов без жалованья, которым хотя на один месяц зимою для совету в Москву съезжаться и без приговоров и протоколов коллежских все неважные определения чинить; и быть у фабрикантов протектором сенатору Новосильцеву, к которому бы они могли адресоваться".

Знаменитый начальник олонецких, а потом сибирских заводов Геннин приехал в Петербург и был оскорблен невниманием, оказанным ему по смерти преобразователя. Он написал Макарову 9 апреля 1725 года: "Я принужден напоминать вам, что мне стыдно так здесь шататься за мою государству радетьельную через 26 лет службу; я обруган и обижен, мой чин генерал-майорский в Военной коллегии и в артиллерии не вспоминается и не числится, живу без караульщиков, денщиков и без жалованья и не знаю, откуда получать, чем питаться в таком здешнем дорогом месте, ежели долго волочиться за резолюцией; и понеже я истинно признаю, что от моих сильных недругов принужден я терпеть печаль и ругательство, разве за то, что я его величеству верно радел и льстить не мог, но прямою дорогою шел и для государственного интересу смело говорил; однако надеюсь я, что бог и всемилостивейшая государыня императрица, также и ваше благородие меня не оставите в моем прощении. Отшествием во блаженный покой нашего всемилостивейшего государя, Отца Отечества, протектора моего и хранителя от всех недругов, рассмотрителя моих трудов, меня сокрушает так, что истинно могу под сим подписаться вместо присяги, что наш всемилостивейший монарх мое тщание, разум и память с собою во гроб взял и мне от оных и прочих печалей более служить невозможно и несносно, ибо я 26 лет служил нашему монарху в трудах и охотно, не исполняя свои прихоти, а ныне вижу в себе малое здоровье и желаю достальное свое короткое время служить всевышнему монарху, а от недругов прочь в покое и чтоб меня наградить токмо на пропитание маетностями в Лифляндии; а ежели я в своем прощении несчастлив, как и прежде сего в искании деревень, что и прежние мои деревни от меня отняты безвинно, а вместо тех хотя другие дать обещали было, и до сего времени не даны, то я более оного не ищу и ее величества не смею утрудить, но токмо покорно прошу о отпуске во отечество мое с милостию, а не с гневом".

Предания Петра Великого продолжались: полезного человека не выпустили из России, но отправили назад, на уральские заводы. Здесь после внимательного наблюдения Геннин нашел, что Татищев был прав, предлагая Петру Великому отдать екатеринбургские заводы в компанию, с тем чтоб 20 лет с нее ничего не брать; тогда Геннин не согласился на передачу

заводов с этим условием, и по его представлению передача была отложена до времени. Теперь, в начале 1726 года, он писал Екатерине: "От заводов прибыль уповаю получить, ежели по требованию моему будет исполнено, а впредь обещать не могу, ибо по основательному исследованию чрез три года явилось, что все руды лежат непостоянно, не так, как в Германии, но более гнездами, малыми и большими слоями, отрывными и рассыпанными частями, так что нельзя на них Бесконечную на многие, годы иметь надежду". Геннин соглашался теперь отдать заводы в компанию: "Сия есть причина моего о том представления: ежели по несчастию руды пресекутся и надлежащая прибыль прекратится, дабы тогда не было сказано, что я обещал впредь прибыль, а вместо того сделал убыток. Слезно прошу для самого бога, призри меня в своей высокой матерней милости, поговори недругом моим, чтоб они до меня милостивы были и в милости своей содержать обнадежили. И хотя я пред ними и пред всеми виноват и недостоин того, чтоб они мне добро творили, однакож прошу, чтоб надо мною гибели не искали; а ежели, ваше императорское величество, меня не призрите, то я буду богу плакаться на недругов моих и от них терпеть и печаль принимать рад за нашего блаженной памяти его императорского величества, для того что ради исполнения его воли и указов недругов себе я нажил, и чаю, что такой человек не родится, который бы всякому мог услужить". В описываемое время все сибирские, пермские и кунгурские медные и железные заводы и горные дела приносили в год доходу 113808 рублей.

И другой знаменитый иностранец счел было необходимым для себя оставить русскую службу по смерти Петра Великого. Мы уже приводили известие о столкновении Меншикова с другими сенаторами по поводу требования Минихом войск для работ на Ладожском канале. В ноябре 1726 года Миних прислал в Верховный тайный совет следующее донесение: "Свою важную и обширную работу в 1724 году я так исполнял, что его императорское величество октября 14-го дня того же году, как соизволил осматривать работу, свое удовольствие собственноручно письменно объявлял и декабря 11-го дня в Сенате, особливо за дешево учиненные всякие подряды, словесно благодарил и потом 29 декабря дал мне право представлять в чины. Сей великий и славный канал, которому подобного по ширине и глубине в свете не имеется, под моею дирекциею совсем отделан был, если б по его императорского величества указу в 1724 году наряженные 16000 человек да в 1725 году 25000 человек на канал прибыли; но в 1724 году только 3000, в 1725-м за преставлением его императорского величества около 8000 рабочих солдат, а в нынешнем, 1726-м по настоящим обстоятельствам очень мало солдат на канале было. По должности моей нынешнего числа (22 ноября), за полгода до истечения срока моей капитуляции, доношу, дабы о будущей работе было сделано распоряжение и директор назначен был". Отпустить его не хотели и в феврале 1727 года объявили ему, что он будет снабден переменою чина и прочим милостивым награждением с фамилиею, но Меншиков не переставал противиться исполнению требований Миниха относительно Ладожского канала: в следующем же месяце по поводу проекта Миниха, представленного в Верховный тайный совет, он объявил, что по нынешнему времени солдат в работу на канале употребить никак нельзя, и 14 марта состоялся указ: будущим летом доделывать Ладожский канал до реки Нази одними вольными людьми, с помощью одного только Московского гарнизона, который и теперь находится при канале; на эту доделку отпустить 51000 рублей.

Меншиков не посылал войска на Ладожский канал под предлогом, что оно дорого и назначается для другого употребления; в Сенате и Верховном тайном совете при рассуждениях о различных финансовых мерах и облегчении народа постоянно указывали на войско, на необходимость его поддержания войско было действительно необходимо для России по ее положению, как всегда, так особенно теперь, когда нужно было поддержать новое значение России, созданное Петром Великим. Набор войска был тяжел для малолюдной России, и потому, строго запрещая побег крепостных людей, правительство должно было позволить желающим выход из крепостного состояния в войско. В июле 1726 года Сенат представил было в Верховный тайный совет мнение, что надобно запретить вольницу, т. е. уничтожить право

крепостных людей записываться добровольно в солдаты. В Совете долго рассуждали; сама императрица присутствовала в заседании и объявила, что вольницу вовсе пресечь не следует и чтоб, подумав, еще написали мнение и представили средство, каким бы образом в том полегчить, а вовсе вольницу не пресечь. В 1726 году в войске было полных генералов 5, из них 2 иностранца; генерал-майоров - 19, из них 8 иностранцев; бригадиров - 22, из них 5 иностранцев; полковников - 115, из них 32 иностранца. В том же году было отменено баллотирование офицеров товарищами, причем сказано, что и покойный император уже видел неудобство этого способа производства в чины. Изменено было и распоряжение Петра относительно расположения войск по дистриктам. Вред этого распоряжения видели в растянутости полков и в притеснениях, которым подвергались крестьяне от солдат. Как для лучшего содержания полков, так и для облегчения свободы подданных императрица повелела полки селить при городах, и преимущественно пограничных и таких, где хлеб дешевле и обилие леса: это будет содействовать быстроте сборов в случае внезапных и скорых походов и офицерскому надзору над солдатами; гражданству и уездным людям в продаже всяких припасов может быть выгода, а в таможенных и кабацких доходах пополнение; особенно же крестьянству будет великое облегчение; гражданству же тягости никакой не будет, потому что солдаты будут жить особыми слободами и в одном месте, где скорее на преступников у их командиров управу сыскать будет можно. "Когда конъюнктуры допустят", велено было две части офицеров, урядников и рядовых, которые из шляхетства, отпускать по домам, чтоб могли привести свои деревни в надлежащий порядок, и таким отпускным жалованья не давать, третью долю оставлять при полках иноземцев и беспоместных, которые без жалованья прожить не могут.

Такова была в первое время по смерти преобразователя правительственная деятельность относительно поддержания материальных средств России. Мы можем видеть, как люди, оставленные Петром наверху, все русские люди распорядились на первых порах материалом преобразования. Первый вопрос был финансовый, возбужденный несостоятельностью крестьян в платеже податей. Русские люди высказали взгляд на государство как на организм, в котором все части тесно связаны между собою и нельзя заботиться о войске, не заботясь в то же время о крестьянине, сделали все, что могли, для облегчения крестьянина; меры эти, как писали из Москвы, произвели неописанную радость в народе; но, разумеется, главного сделать не могли - не могли сделать, чтоб сильные не бросались на слабых, как волки, по выражению самих правителей; виселицы, поставленные Матвеевым во время его ревизии, могли производить только временное облегчение. Тот же финансовый вопрос, необходимость сокращения расходов, заставлял далее разбираться в материалах преобразования. Послышалось со всех сторон: "Слишком много правителей, разных канцелярий и контор, надобно их сократить". Здесь предстояло трудное дело: иное можно было сократить, уничтожить, но так, чтоб не коснуться основных мыслей преобразователя, например отделения администрации от суда и финансового управления. Пошли от мысли, что прежде, когда все сосредоточено было в руках воеводы, было лучше, проще и выгоднее для государства. Действительно было проще и, по-видимому, выгоднее для государства; воеводы не брали жалованья, кормились на счет подчиненных; но была опущена из виду главная мысль преобразователя, что народ должен воспитываться, развивать свои силы в новых учреждениях, учиться. Проще, легче, удобнее было нанять иностранное войско, иностранных генералов и офицеров, чем учить своих и во время учения терпеть поражения; легче было послать министрами к чужим дворам образованных, ловких иностранцев, чем терпеть неприятности и вред от неопытности своих; но Петр не соблазнился этою легкостью, учил своих и военному и дипломатическому искусству в действительной службе, перед вооруженным или невооруженным врагом. Люди, оставленные России Петром, не имели его веры в способности русского народа, в возможность для него пройти трудную школу; испугались этой трудности и отступили назад. Посадские люди терпят много от проезжих, некому их защитить, надобно дать им защитника в воеводе, подчинить их ему по-прежнему; но сами правители называли воевод волками; какое же покровительство от

волка? И забыты были жалобы посадских людей на воевод, так громко раздававшиеся в древней России. Любопытны слова императрицы, что чин воеводский уездным людям в отправлении всяких дел может быть страшнее.

Программа преобразователя показалась слишком обширна; на первый раз отступили от нее. К счастью, не отступили от программы относительно нравственных средств народа, которые были в зародыше, но, развиваясь, обещали верный, хотя и медленный, успех во всех проявлениях народной жизни. Мы видели, что Петр завел печатные ведомости, в которых печаталось все "надлежащее к ведению народному"; известия должны были доставляться в типографию из всех коллегий и канцелярий. Когда Петр умер, то сочли излишним присылать эти известия; но Екатерина в апреле 1725 года приказала снова доставлять сведения, объявив в указе, что доставление это прекратилось неведомо для чего. В декабре того же года исполнена мысль Петра - учреждена Академия наук; президентом ее был назначен лейб-медик Блюментрост. И относительно школ придумано было средство сократить расходы соединением школ различных ведомств. При Петре в областях существовали школы светские, находившиеся под ведением Адмиралтейской коллегии, и школы или семинарии при архиерейских домах; в октябре 1726 года Адмиралтейская коллегия представила в Верховный тайный совет доношение о соединении школ светских с семинариями и быть им в ведении синодском, вследствие чего Адмиралтейская коллегия освобождалась, разумеется, от хлопот и, главное, от издержек; Верховный тайный совет согласился. Мы упоминали о посылке Татищева в Швецию, о возвращении его и новой деятельности в Москве. Но здесь мы должны упомянуть о хлопотах Татищева в Швеции насчет собрания материалов русской истории. В апреле 1725 года он писал служившему при кабинете Черкасову: "О истории ныне пространно писать не могу, но весьма от многих знатных и ученых людей известился, что много обретается полезного. И сие неудивительно, что здесь обстоятельные доказательства суть о древней российских князей столице в Ладоге, також о многих союзах и супружествах между Россиею и Швециею. Також доктор феологии Бенселиус (Бензель), здесь славный человек, обещал мне в Упсале множество русских древних письменных книг показать и притом обещал дать списать. А описание Сибири (Табберта фон Штраленберга) безо всякой противности состоит и паче к славе и пользе российской; в предисловии же намерен (автор) великие дела блаженной памяти его величества по крайней возможности изобразить, в котором и я, колико разумею, труд мой приложу". 25 июля 1725 года Татищев писал Черкасову из Стокгольма: "Гисторию российскую писать подрядил и дал наперед 10 червонных, чаю, вскоре будет готова. Ныне уведал я, что в начале войны нашей один швед, бывший в России, написал книгу с великою как его величеству, так и всему народу похвалою, а поносителей бранит, которую по тогдашней злобе не токмо продавать запретили, но почитай всю сожгли, и оную обещал мне библиотечарь дать списать. Ежели б я деньги мои имел, то б я все здешние до российской истории касающиеся книги купил, на которые надобно до 100 червонных, и ежели б занять мог, то б не жалел, ибо многое нам неизвестное в древности находится". Таким образом, в человеке, отправленном в Швецию наблюдать за горным делом и политическим состоянием страны, высказалась страсть к русской истории, к собиранию материалов для нее, страсть, которая впоследствии заставит его положить столько труда на свод источников древней русской истории.

Татищев заказывал русскую историю в Швеции; в России заботились о том, чтобы была написана подробная история Петра Великого. Это дело поручили Шафирову, который подал доношение: "...к повеленному мне сочинению гистории о преславных действиях и житии его императорского величества Петра Великого потребно: 1) для вспоможения в выписывании и переводе с иностранных языков из гистории прошу, дабы определен был сын мой Исай Шафиров, который ныне до указа определен был в герольдмейстерскую контору. 2) Дабы повелено было барону Гезину да Иностранной коллегии гистории описателю аббату Крусали, когда я временем требовать буду для совету или справки о каких принадлежащих к той гистории делах, оные бы то по требованию моему исполняли. 3) Дабы даны мне были к тому

делу: Иностранной коллегии студент Алексей Протасов для письма латинского, немецкого и других языков да для русского письма копиисты. Чтоб сыну моему и вышеписанным трем человекам жалованье давано было, а о пропитании моем с моею фамилиею предаю во все милостивейшее изволение ее величества; також прошу, дабы мне со всеми к сочинению той истории потребными людьми определена была удобная квартира вместе и определено б было давать на то потребное число бумаги и чернил. 4) Чтоб повелено было из Кабинета, из Иностранной коллегии и от барона Гизена те истории ко мне прислать, и, понеже к сочинению оной истории потребны и другие книги, того ради прошу, чтоб даны мне были: поколенные или родословные книги российских великих государей и прочих фамилий российских и летописцы письменные российские древние, которые сбираны в Кабинет, в Иностранную коллегию и герольдмейстерскую контору и инде. Книги на российском и иностранном языках, взятые в домах моих в С. - Петербурге и Москве, которые отданы здесь в библиотеку, а на Москве, чаю, обретаются в конторе вышнего суда; також, чтоб повелено было из библиотеки петербургской, ежели к тому потребны будут какие книги, по письменному моему требованию, на время мне давать. 5) Чтоб из разрядных и других записок дано мне было известие о избрании на престол Российского царства Михаила Феодоровича и о браках его и о рождении детей сто величества, также царя Алексея Михайловича, царя Феодора Алексеевича и впоследствии пред его кончиною стрелецком бунте, и как оный бунт по избрании Петра Великого умножился, и каким образом потом царь Иоанн Алексеевич на престол купно произведен, и о всех происшедших делах с рождения его императорского величества по начатие истории, которая в Кабинете сбирана. Надлежит иметь ко известной истории о последующем известие: 1) как содержан царь Петр Алексеевич, яко царевич, с матерью своею по смерти царя Алексея Михайловича? 2) Какою болезнию болел царь Феодор Алексеевич перед смертию и задолго ль был болен до кончины? И по смерти его как избрание царя Петра Алексеевича впоследствии и что чинилось по избрании мая по 15 число, когда главный бунт начался? 3) Что во время того бунту с его величеством от бунтующих случилось? 4) Какие внутренние интриги в том и от кого были? 5) Каким образом Хованский казнен и с какого случая? 6) Какие интриги и умыслы на его величество до казни Шакловитого и от него были, и как они и от кого открылись, и каким образом та премена учинилась и царевна в монастырь сослана? 7) Каким образом царское величество охоту к воинскому делу и экзерцициям получил и набор Преображенского и Семеновского полков?" и проч. Возбуждение этих вопросов делает честь смыслу бывшего вице-канцлера, но, с другой стороны, показывает неприготовленность его к исполнению задачи, ибо с этими вопросами он должен был обратиться к самому себе и искать их решения в своих источниках, а не обращаться с требованием этого решения к правительству; Шафиров хотел писать историю Петра Великого по известным ему готовым материалам (история Свейской войны, или так называемый журнал Петра Великого), а что не было приготовлено таким образом, того он требовал от правительства! Эта неприготовленность, неуменье взяться за дело, самому отыскать что нужно, разумеется, должны были помешать делу в самом начале; Шафиров не написал истории Петра Великого. Но очень может быть, что возбуждение вопросов о событиях во время малолетства Петра заставило старика Матвеева написать известные записки об этом времени.

Шафиров упоминает о бароне Гизене, или Гюйсене, который мог быть ему полезен, ибо сам занимался составлением истории Петра Великого. Мы уже давно потеряли из виду этого человека: он был в удалении, в опале, забыт. По всем вероятностям, Петр рассердился на него за царевича Алексея, относительно которого он не исполнил своей обязанности, прославляя успехи царевича в учении, чего на самом деле не было, и таким образом обманывал отца. В июне 1726 года в Верховном тайном совете, по представлению светлейшего князя, происходило рассуждение о бароне Гизене и о службах его, что он так оставлен и живет многие годы без жалованья; напоследок велели записать указ быть ему в Военной коллегии советником, а о жалованье справиться, на которые годы ему дачи не было, и хотя не все, однако в удовольствие ему выдать.

Хотели поддержать начатки образования, которыми Россия была обязана предшествовавшему царствованию; для этого нужно было позаботиться и - о типографии, которая терпела от общего недостатка в деньгах и терпела более других учреждений, ибо многие тогда могли смотреть на нее как на учреждение вовсе неважное. В начале царствования Екатерины директор типографии Михайла Аврамов донес, что типографским служителям дано на 1723 год вместо денег казенными товарами - приказным камками, а мастеровым людям - книгами, и то за вычетом четвертой части; товары эти продавали с немалым убытком; на 1724 год мастеровым людям хлебного ничего, а приказным денежного и хлебного не выдано. За неотпуском денег и за непродажей книжною ныне в конторе типографской денег ничего нет, бумаги и прочих потребных припасов купить не на что, отчего типография пришла в очень худое состояние, приказные и мастеровые люди терпят несносную нужду, платьем и обувью весьма обносились, вследствие чего и на работу им впредь ходить будет невозможно.

В типографской конторе денег нет, потому что книги не распродают. Трудно было и надеяться, чтоб книги, хотя их было очень немного, распродавались при начатках только образования, когда требовалось так мало для удовлетворения умственным потребностям. С неряшеством умственным в тесной связи находилось неряшество физическое, несмотря на полицейские распоряжения относительно соблюдения чистоты в городе, сделанные в прежнее царствование. Теперь обыкновенно жалуются на нездоровость климата в столице, основанной Петром. Но не так было в описываемое время для людей, успевших приобрести лучшие привычки. Новая столица, несмотря на известные неблагоприятные условия своего положения, отличалась чистотою воздуха вследствие незначительности еще народонаселения и лучшего соблюдения полицейских правил, тогда как в Москве при большом народонаселении и несоблюдении правил чистоты воздух был убийственный в известные времена года, особенно в центральных частях, где скучивалось жилье. Генерал-майор Волков, отправленный в Москву для устройства монетного дела, писал Макарову 25 февраля: "Извольте меня из это пропастного места вывести: истинно опасаясь, чтоб не занемочь; только два дня, как началась оттепель, но от здешней известной вам чистоты такой столь бальзамовой дух и такая мгла, что из избы выйти нельзя. Какое здесь многонародное место, можно видеть из того что одних канцелярий и контор с 50, колодников - более 1000 человек, караульщиков рогаточных с большими дубинами - с 2500 человек; по одной таможенной записке в одно прошлое лето с 45000 быков и с 50000 баранов здесь вышло кроме партикулярных пригонов в дома господские". Приведем несколько наиболее замечательных черт из жизни общества. Генерал-майор Андрей Ушаков подал императрице просьбу: "Был я в доме вашего величества, и там же случился быть от гвардии подпоручик Пальчиков, который говорил мне весьма сердито, с злобою такие уязвительные слова: "Не так-де ты делаешь, как прежде при государе". Да повелит ваше высокодержавство оного Пальчикова допросить, в чем он меня усмотрел против прежнего в ныннешнем отменна". В 1725 году подана была жалоба на известного нам Посошкова зятем его, Киевского гарнизона полковником Петром Роде. Из этой жалобы мы узнаем, что в 1725 году купецкий человек Иван Тихонов Посошков был взят под караул в Тайную канцелярию. Роде пишет, что у Посошкова есть деревни купленные и заводы винные в разных городах, а владеет деревнями, не справя их за собою по купчим, потому что купецким людям покупать и справлять за собою деревень не велено, если не имеют фабрик. Когда Посошков выдавал замуж дочь свою за Роде, то обещал под клятвою дать ей в награждение 1000 рублей денег да деревню, да приданого на триста рублей, чему он, Роде, может поставить свидетелей. Но обещание не было исполнено. Посошков показал, что, когда он выдавал замуж дочь свою за первого мужа, полковника Барыкова, тогда отдал все, что обещал; Барыков умер, а за Роде дочь его вышла без его ведома, и он новому зятю ничего не обещал. Императрица указала недвижимое имение Посошкова, кроме дворов петербургского и новгородских, отдать дочери его, жене Роде, в награждение.

Если в характере и деятельности великого преобразователя мы нередко встречали черты, которые указывали в нем представителя общества очень еще юного, то понятно, что мы еще

долго будем встречаться с подобными чертами. Так, например, 1 апреля 1725 года жители Петербурга были разбужены страшным набатом во всем городе: императрица пошутила над ними, обманула их для 1 апреля.

При дворе продолжался еще старый обычай жаловать знатным людям сшитое платье. Так, в 1727 году по указу Екатерины сшита была пара платья суконного с золотым позументом для князя Михайлы Владимировича Долгорукого.

Правительство подметило резкую черту грубости нравов в низших слоях народонаселения и поспешило принять против нее меры. В июле 1726 года издан был указ: ее императорскому величеству стало известно, что в кулачных боях, которые бывают на Адмиралтейской стороне, на Аптекарском острове и в прочих местах в многолюдстве, многие люди, вынув ножи, за другими бойцами гоняются; другие, положив в рукавицы ядра, камни и кистени, бьют многих без милости смертными побоями, и это убийство между подлыми в убийство и в грех не вменяется, также и песком в глаза бросают; поэтому кулачным боям в Петербурге без позволения главной полицейской канцелярии не быть; а кто захочет биться для увеселения, те должны выбрать между собою сотских, пятидесятских и десятских и записывать свои имена в Главной полицмейстерской канцелярии; выбранные сотские, пятидесятские и десятские должны осмотреть, чтоб у бойцов никакого оружия и прочих инструментов к увечному бою не было и во время бою чтоб драк не было, и кто упадет, лежачего не бить.

Разумеется, церковь лучше выборных сотских и полицмейстерских канцелярий могла прекратить подобные явления внушениями, что убийство и на кулачном бою есть страшный грех. Вскоре по смерти Петра внимание высшего церковного правительства было поглощено судьбою, постигнуто старшего члена его, Феодосия, архиепископа новгородского. Мы уже довольно познакомились с этим человеком, энергичным, но неуправляемым в деле и слове, властолюбивым и корыстолюбивым. Он был готов на преобразования в церкви, но, когда эти преобразования начинали клониться к уменьшению его значения и доходов, он был очень недоволен и не умел сдерживать своего неудовольствия. Честолюбие его было оскорблено тем, что по смерти Стефана Яворского он не был назначен президентом Синода; корыстолюбие - урезыванием доходов, нечаяно жалованья. В Москве, когда получен был указ о сочинении штата, Феодосий резко высказался против новых порядков. "Отнял бог милость свою от этого государства, потому что духовные пастыри сильно поработаны и пасомые овцы над пастырями власть взяли. Однако может явиться Филипп-митрополит, который не пощадил своей крови за церковь, да надобно смотреть, что случилось после изгнания Филиппова: бог сам перстом показал как на фамилии царской, так и во всем государстве внутренним нестроением, моровою язвою, разорением чуть не всего государства и премногими бранями". Филипп-митрополит после этого не сходил с языка у Феодосия, и 30 апреля в селе Покровском он вздумал сильно поговорить с Петром о новых порядках. Петр рассердился, и Феодосий страшно струсил. На другой день он шлет письмо к Екатерине: "Вчерашнего числа в Покровском селе безумием моим, не выразумев благопотребной воли всемилостивейшего государя, прогневал я, окаянный, его императорское величество так много, как никто больше; того ради пребываю в великом страхе и отчаянии и не имею в таком своем бедствии никакого способу, только дерзаю утруждать ваше величество: умилосердися, великая государыня, надо мною, окаянным, заступи милостию своею у всемилостивейшего государя и благоволи вручить его величеству приложенное здесь моё рабское доношение, чтоб мне невозбранно было прийти и просить в моей великой вине милостивого прощения и милования".

Петр простил Феодосия, но тот скоро забыл беду. Когда после коронации Екатерины рассуждали, как поминать ее на ектениях, Феодосий сказал: "Какова та молитва будет, что по указу молиться". Но скоро пришла другая беда: на Феодосия подан был донос в расхищениях: в 706 году Новгородской епархии архиерейские и монастырские вотчины взяты были в ведение в

новгородскую приказную палату, а архиерею и в монастыри велено давать указное; но в 707 году по прошению митрополита Иова и властей его епархии теми вотчинами велено им владеть по-прежнему, за что платишь каждый год по 11000 рублей; они же, Иов и власти, обещали скот и хлеб, что у них за расходами будет оставаться, отдавать в государеву казну; но этих денег епархия не платила. Кроме того, подан был донос на судью новгородского архиерейского дома Андроника в денежном и хлебном похищении и во взятках. Петр велел Толстому исследовать дело, но умер. У Феодосия спала гора с плеч. Страшного Петра не было более; на его престоле сидела женщина, боявшаяся, что непрочно на престоле, боявшаяся приверженцев великого князя. Феодосий разнуздан, не скрывал своей радости, что Петра нет более, и все резче и резче высказывался против новых порядков, против унижения духовной власти перед светскою. 12 апреля Феодосий в карете подъехал к мосту, который находился перед домом императрицы; часовой остановил лошадей, объявив, что не велено пропускать в экипажах далее моста. Феодосий вышел из кареты в страшном гневе, махал тростью и говорил: "Я сам лучше светлейшего князя". То же повторяли за ним и служки его, браня часового дураком. Вошедши в переднюю, он обратился к дежурному офицеру: "Зачем меня не пускают; мне при его величестве везде бывал свободный вход; вы боитесь только палки, которая вас бьет, а наши палки больше других; шелудивые овцы не знают, кого не пускают". Дело осталось без последствий. 20 апреля приехал к Феодосию камер-юнкер сказать ему именем императрицы, что на другой день должна быть в Петропавловском соборе панихида по усопшем государе. "Мы готовы, - отвечал Феодосий и стал жаловаться на свою обиду. - Я и впредь опасюсь ездить ко двору ее величества, чтоб и впредь также не обругали часовые, разве пришлют да неволею велят взять". "Если вам такая обида, то надобно просить милости государыни императрицы", - сказал камер-юнкер. "Так же было и при императоре, - отвечал Феодосий, - не пропустили меня в Адмиралтейство, и за то я не получил никакой сатисфакции, хотя и просил; а теперь я и искать не хочу". На другой день после панихиды обер-гофмейстер Олсуфьев подошел к Феодосию с приглашением к императорскому столу. "Мне быть в доме ее величества не можно, понеже я обесчещен", - отвечал Феодосий. Обер-гофмейстер два раза повторял приглашение; Феодосий отвечал: "Разве изволит прислать нарочного, чтоб проводили". Нарочного не прислали, и Феодосий не был на обеде.

На другой день, 22 апреля, явился во дворец Феофан Прокопович и от имени других синодальных членов донес императрице, что Феодосий часто говорил непристойные слова. Вследствие этого донесения 25 числа в доме канцлера графа Головкина собрались генерал-адмирал граф Апраксин и граф Толстой, к которым явились два архимандрита из синодальных членов и подали письменный донос о непристойных словах Феодосия. Он говорил про императрицу: "Будет трусить, мало только подождать". После сам Феодосий так объяснял эти слова: "Был разговор со псковским (Феофаном Прокоповичем) о трактаменте сенаторов в доме ее величества на святой неделе, а синодских членов на том трактаменте не было, и те речи говорил от глупости, а не от злобы, что станет трусить в такой силе, что ныне задабривают сенаторов, чтоб добре дела управляли, а, сохрани бог, когда в них какое несогласие к добру общему будет, тогда духовных станут задабривать, чтоб увещевали к согласию добра общего. А что мало только подождать - говорил от слов, которые слышал, что будто цесарь намерен тайно прислать в Россию с деньгами, которыми бы склонять здешних министров в свою партию".

Архимандриты донесли, что недавно в синодской палате Феодосий говорил по поводу штата: "Никто духовным недоброжелательны, все уклонишася вкупе, какого тут благословения божия ожидать? Воистину скоро гнев божий снидет на Россию, и, как станет междуусобие, тут-то увидят все, от первых и до последних!" При этих словах стал он швыкать и руками посещение показывать. Говорил в Синоде же: "Государь старался ниспровергнуть это духовное правительство и для того нас утеснял штатом и нечаею жалованья, а теперь смотрите: мы все живы, а он умер, его нет". Когда ему объявили, что государыня приказала синодальным членам собраться на служение панихиды по покойном императоре, то он, поднявши глаза к небу,

говорил: "Боже милостивый, какое тиранство! Чего церковь дождалась? Мирская власть повелевает духовной молиться, это слову божию весьма противно: апостол Павел *молит* христиан молиться за царя, а не принуждает; служить буду: боюсь, чтоб в ссылку не сослали; только услышит ли бог такую молитву?" Приводя известие из 3-й книги Царств о болезни сына царя Иеровоама, говорил, что бог за грехи отца не пощадил и грудного младенца, и не только одно дитя, но и всю фамилию искоренил. Ярославскому архимандриту Кондоиди сказал: "Видал ты такой суд божий, что как он (Петр) хотел учинить штат духовный, то и умре?"

Подали доносы и другие члены Синода. Тверской архиепископ Феофилакт Лопатинский писал, что Феодосий постоянно бранился, всякого чина русских людей называл безумными, нехристями, хуже турок и всяких варваров, атеистами, идолопоклонниками. Синодский обер-прокурор Болтин показал, что Феодосий особенно сердит был на сенаторов, называл их гонителями духовенства; сравнивал, по выражению Болтина, "злато с блатом", Петра Великого с царем Иваном Грозным, а расстриженного монаха Варлаама Овсянникова, бывшего синодского обер-секретаря, с Филиппом митрополитом, говорил, что Петра умертвил бог за расстрижение этого Варлаама. В разные времена то защищал Петра, обвиняя во всем сенаторов, то делал выходки против покойного императора; говорил: "Его величество желал все делать доброе, да не допускают сенаторы; ей-ей, святая христианская душа, да наговорщики не допускают за злобу от сенаторей на Синод за отнятие попов и что у них церкви (домовые) запечатаны и тем всю их гордыню пресекли. Доколе будет тиранство над церковию, дотоле добра надеяться невозможно и суеверие не искоренится, понеже пастыри ни в чем не могут иметь воли, а в церкви монархии нет и никакой не бывало; какие мы управители? никто нас не слушает". В другой раз говорил о Петре: "За воинские дела не для чего его хвалить: воевал он от младенческой своей охоты и из тщеславия, а не для государственной пользы. Излишняя его охота к следованию тайных дел показывает мучительское его сердце, жаждущее крови человеческой. Он делает указы и переделывает, как человек непостоянный или неблагорассудный, без всякого резона. Бывало, Филипп Пальчиков придет к государю и наговорит ему того, что он всю ночь уснуть не может; также наговорщики его и уморили. Был государь великой амбиции, глубоких и беспокойных замыслов: новые одни за другими дела заводил, сего дня задумал великое дело, завтра еще больше затеет; с наговоров бездушных людей и доносителей о всех духовных и светских особах начал иметь, как о неверных себе, худое мнение и подозрительство и обо мне также, никому не верил, только молодым своим придворным и злосовестным людям, для чего и тайных имел шпионов, которые над всеми надзирали и так иногда смущали его, что ночью спать не мог; для того подозрения всех боялся, за не очень важные слова повелевал казнить смертью, а можно было и без такого кровопролития в словах подлых людей и во всем положиться на промысл божий. Я по се время всегда думал, что мне от его рук кончина жития будет; это размышление во мне родилось от того, как я еще в молодых летах приехал в Москву с шляхтою смоленскою, приведены были в палату и пожалованы к руке; кланялся я царю Ивану Алексеевичу, и ничего; а как пришел к руке царя Петра Алексеевича, тогда такой напал на меня страх, что едва не упал и колена затряслись; с этого времени всегда рассуждал, что мне от той руки и смерть будет". Говорил: "Иерусалим и прочие святые места отдал бог варварам-туркам, отняв у христиан за их суеверие, что они поклоняются гробу господню: того ж надеяться и Русскому государству, идолопоклонствующему суевериям. Кабинет - раскольщикам прибежище и заступление. Сколько людей переказнено, а воровство не убывает, совесть в людях незавязанная, надобно обучать чрез школы, и от того познают бога и что есть грех, только без денег сего сделать нельзя, а инструмент железный невелика диковинка, дать две гривны".

Феодосий винился в одном, отвергал другое, клялся, что забыл, говорил ли третье; обвинял своих сочленов, на него доносивших, писал императрице: "Никогда в доме вашего величества и нигде слов, касающихся до высокой чести вашего величества и до целостности государственной, не говорил, и если говорил, то для чего архиепископ псковский не засвидетельствовал в то время

обретающимся людям, которых была полна палата? А что сенатские члены на святой неделе трактованы, а синодские нет, то и сам его преосвященство говорил. В Синоде по разным временам говорил я с пререканием, что Синоду много противников и труд духовных персон тщетный; а других слов истинно не помню, и если б неумеренные мои в св. Синоде какие слова были, для чего св. Синода слышавшие члены тех слов в протокол не велели записать, но, когда увидели за преступление мое о негодовании на меня вашего величества, тогда изволили доносить".

Но Феодосий сам хорошо знал, сколько он нажил себе врагов и как ему трудно оправдаться. Он обратился к герцогу голштинскому, через него послал просьбу императрице: "Хотя великая моя пред вашим величеством вина недостойна меня сотворила всякого прощения и помилования, однако, уповая на великое вашего величества всем виноватым изливаемое милосердие, сим моим всенижайшим доношением паки без извинения, ради вручителя вашему величеству сего доношения, вседражайшего зятя вашего и всей государственной высокой фамилии и ради вечного поминовения блаженные и вечнодостойные памяти императорского величества всенижайше прошу милостивейшего прощения и помилования. А ежели вашему величеству сумнительна прежняя моя и нынешняя к вашему величеству убогая верность и услуга рабская, то сим моим доношением подтверждаю тако, что по кончине императорского величества добрым и согласным советом всевышний сделал и все верные подданные вашего величества присягою утвердили, в которой по чистой моей к вашему величеству и к отечеству верности не остался и я, убогой, но прежде всех оную учинил и подписал, то и содержать ту мою присягу до кончины жизни моей тщуся непременно. Вашего императорского величества всеподданный и всенижайший молитвенник, всеблагожелательный *виноватый* Феодосий, архиепископ новгородский. 30 апреля 1725 года".

Но открылись другие вины: *гонитель суеверий* забирал иконы из церкви, обдирал с них оклады и сливал в слитки; отбирал церковную серебряную утварь, колокола и прочее церковное имение и употреблял на свои домашние нужды; распилил образ Николая Чудотворца в Никольском монастыре, что на Столпе. 11 мая состоялся приговор: "Императрица, слушав поданных на новгородского архиерея Феодосия в церковных его противных поступках доношений и подлинных доказательств синодальных членов о непотребных его предерзостных и непристойных словах и его архиерейских двух повинных руки его писем (в которых приносил вину свою точно в некоторых малых продерзостях, а в самых важных делах запирался), и его, Феодосиевых, на вопросные пункты подписанных ответов, которыми себя признал и рукою своею под каждым пунктом вину свою подписал, указала: понеже он, Феодосий, за те учиненные его к церкви божией и указам их величеств противности и непристойные слова довелся смерти; но ее величество для поминовения его величества во всем государстве к винным показанной высокой своей милости и его, Феодосия, лишить и смертью казнить не указала, а повелела от синодского правления, Новгородской епархии и архимандрии монастыря Александровского его отрешить и сослать его в дальний монастырь, а именно в Корельский на устье Двины, и содержать его там под караулом неисходно, и давать ему на одежду и на пищу по 200 рублей на год. Бывшего синодского обер-прокурора Ивана Болтина послать к делам в Сибирь, а старца Варлаама Овсянникова сослать в Соловецкий монастырь в братство". Болтин был наказан за то, что не доносил на Феодосия по должности своей и в допросах не объявил того, что после засвидетельствовано всеми синодальными членами. Потом нашлось еще несмотрение по должности, не означенное в указе, за которое его велено немедленно отправить в Сибирь и к делам не употреблять. Приговор "бывшему новгородскому архиерею Федосу" был обнародован торжественно, с барабанным боем; иностранцы удивлялись, что никто не жалел об осужденном, напротив, все знатные и незнатные говорили, что с ним поступлено слишком милостиво. В октябре 1725 года объявлено было во всенародное известие, что Синод узнал о новой вине *плута Федоса*: в 1724 году он приказал синодскому секретарю Герасиму Семенову написать форму присяги императору и прибавил, чтоб и ему духовные присягали по

такой форме: "Также и собственной моей правильной власти, великому господину, св. правительствующего Синода вице-президенту, преосвященному Феодосию обязуюся во всем по должности моей верен и весьма покорен быть и все до его архиерейской чести принадлежащее по последней моей силе умножать и охранять". В августе 1726 года Екатерина дала указ графу Толстому с товарищами, следовавшими дело Феодосия: "Имеющиеся в Новгороде, в архиерейском доме, у чашника да в С. - Петербурге у казначея Феодосия серебро, жемчуг, камня, облачения, церковные книги, колокола, посуду медную и оловянную, лошадей и рогатую скотину, что отбирал в новгородский архиерейский дом без указа нашего бывший архиерей Федос и судья Андроник из соборной Софийской церкви и из монастырей, что ныне из тех вещей по исследованию дела за продажами и за расходами имеется налицо, велите отдать все, что откуда было взято по росписям именно с росписками; а из серебра, которое в слитках, велите сделать, как вы заблагорассудите, церковные сосуды и раздать в те монастыри или церкви, откуда то серебро взято и слито, или в другие бедные церкви и монастыри, где серебряных сосудов не имеется, с совету новгородского архиепископа Феофана. Саккос старинный, шитый по атласу белому золотом, с которого бывший архиерей Федос с оплечья, с рукавов и с подолу жемчуг снял, велите по-прежнему возобновить и сделать на память так, как был, и которые камни и жемчуг и прочие украшения с него сняты были, то все по-прежнему положить и сделать на нем, где прилично, надпись, что сей саккос испорчен был бывшим архиереем Федосом, а по указу нашему паки возобновлен". Мы видели, что и прежде сенаторы, на которых так был сердит Феодосий, противодействовали некоторым нововведениям, шедшим преимущественно от новгородского архиепископа; теперь члены Верховного тайного совета продолжают это противодействие после падения Феодосия: в сентябре 1726 года они имели рассуждение, что при прежнем новгородском архиерее Федосе выданы указы, чтоб в городах и уездах священникам со святынею и с иконами в дома к обывателям не ходить; но, быть может, это как городские жители, так и крестьяне ставят себе в озлобление, и потому рассудили взять об этих указах ведомости и, рассмотря их, доложить ее величеству с представлением мнения, чтобы в том поступаемо было по древнему христианскому обыкновению.

Так покончил свою деятельность Никон XVIII века. Оба, и Никон, и Феодосий, в своих стремлениях призывали к себе на помощь память о св. Филиппе, но неудачно, и Болтин имел полное право сказать, что здесь сравнение злата с блатом. Филипп вступился за самое священное свое право, не признаваемое грозным царем, - право печалования об опальных; в истории столкновений Никона и Феодосия встречаем монастырский приказ, штаты, неприглашения к обеденному столу во дворец. Знаменательно различие между этими представителями русского архиерейства в XVI, XVII и XVIII веках, между Филиппом, Никоном и Феодосием; это различие объясняет нам многое в истории русской церкви, объясняет прежде всего, почему Феодосий носил титул не митрополита, не патриарха, а вице-президента Синода. Никон старался выставить себя мучеником, царя Алексея - мучителем, и понапрасну: никто не признавал этого отношения; Феодосию казалось, что он погибнет от руки Петра; но страх был напрасен: Петр казнил архиерея Досифея, решившегося снизойти до лжепророчества, но не тронул Стефана Яворского за обличение, сказанное при всем народе, тем менее мог быть озлоблен словами, сказанными в тесном кругу в потешном покровском доме; Феодосий пал в царствование преемницы Петра, женщины, которая избегала сильных мер против видных лиц, пал вследствие враждебного движения своих собратий, причем вскрылись такие грехи, за которые не пощадил бы его Петр Великий. Феодосий высказывал совершенно справедливую мысль, что жестокими казнями воровства вывести нельзя, что для этого нужно нравственное воспитание народа, школы; но зачем же заставили Петра повторять указ о сочинении необходимых для народного наставления книг и зачем было, указывая на средства уменьшить воровство, забирать в свою пользу из церквей образа и колокола и спарывать дорогие украшения с облачений?

В деле Феодосия Феофан псковской подвергся также неприятности. Мы видели, что синодский секретарь Герасим Семенов был привлечен к делу как сторонник Феодосия; Феофан в Синоде назвал его прямо ребелизантом (бунтовщиком), умышлявшим бунт вместе с Феодосием. Герасим Семенов подал доношение, что в начале 1722 года Петр Великий велел в Синоде рассмотреть обвинение на Феофана в неправославии, обвинение, подписанное Стефаном Яворским, Иоанникием и Софронием Лихудами, Феофилактом Лопатинским, Гедеоном Вишневским, Афанасием Кондоиди. В Синоде Лопатинский и Вишневский не отреклись от своего обвинения; но Феодосий явился посредником и уговорил обоих подать доношение, что они в сочинениях Феофана не находят никакого противного мудрования. Герасим Семенов объявлял, что он сам принял дело от графа Мусина-Пушкина, но потом этого дела в синодальном архиве более не видал. Потом Герасим Семенов доносил, что в букваре, сочиненном Феофаном, усмотрел он несколько важных "дубитаций", несколько неправославных мнений; доносил, что Феофан, крича на петропавловского протопопа, зачем он поставил в соборе лишние иконы, сказал: "Так, стало быть, государь - еретик, что он велел поставить столько икон, а протопоп поставил вдвое больше". Но этот донос не имел для Феофана вредных последствий: он получил Новгородскую архиепископию и занял в Синоде место Феодосия. Феодосий вооружался против новых порядков, благодаря которым уменьшались доходы духовенства. Против них вооружился в описываемое время другой архиерей, известный уже нам Георгий Дашков, теперь архиепископ ростовский и член Синода. Георгий подал Екатерине такое доношение: "Яко самому богу, так и вашему величеству служу верно; для того не могу умолчать, чтобы не донести вашему величеству, ибо происходит относительно духовенства такой беспорядок, какого искони не бывало. У архиереев и монастырей с церковью сборы и деревни отнимают и определяют на вновь учрежденных правителей, на приказных, на иностранцев, на гошпитали, на богадельни, на нищих. И то правда, что церковное имение нищих - имение для государственной славы; но, как видно, судей и приказных не накормить, иностранцев не наградить, а богаделен и нищих не обогатить, дома же архиерейские и монастыри, в иных местах и церкви чуть не богадельнями стали; архиереи и прочие духовные бродят, как, бывало, иностранцы или еще хуже, ибо служителей и потребного к церковной службе в достаточном количестве не имеют и приходят в нищенское состояние; а деревенские священники и хуже нищих, потому что многих из податных денег на правящих бьют и оплатить не могут. Того б надлежало рассмотреть, чтоб было к государственной пользе, но только то затмилось".

Мы видели, что в Верховном тайном совете сочли нужным отменить запрещение ходить духовенству со святынею по домам прихожан, и отмена этого *федосовского* запрещения, разумеется, облегчала действительно жалкое состояние деревенских священников. Что же касается архиерейских домов и монастырей, то некоторым из них сделано было облегчение насчет синодальных членов. Однажды, в самом начале 1727 года, Макаров, пожалованный в тайные советники, пришел в Верховный тайный совет с предложением, что в доношениях от Синода упоминается указ Петра Великого, по которому синодальным членам архиереям из епархий, архимандритам из монастырей присылалось кроме денег съестное, дрова и прочее в зачет определенного им жалованья; указ этот, говорил Макаров, должно уничтожить, потому что архиереи сами себе указ сочинили и толковали в нем, как им было надобно, вопреки указу 17 апреля 1722 года, чтобы указа на указ не выдавать; бывший новгородский архиерей Феодосий жаловался, что когда синодальные члены из Петербурга в свои епархии приедут, то им келий теплых не дают, и Петр Великий изволил тогда говаривать, чтобы на первое время для приезда архиерейского и архимандричья давать пищу, а не в таком смысле указ императора был, как архиереи сами собою сделали да сами ж и подписались; указ объявлен в Синоде архиереями Феофаном и Феофилактом, они же к записному указу и подписались. Члены Совета единогласно положили указ отменить, получать синодальным членам только одно жалованье, а из епархий к себе в Петербург ничего отнюдь не брать. В самом же начале 1727 года императрица в указе Верховному тайному совету говорила: "При учинении регламента

Верховному тайному совету от нас повелено было о синодском правлении сочинить особое мнение на доношение нам, а оные синодские и духовные дела известным образом в весьма слабом порядке находятся; того ради также потребно, дабы члены Верховного тайного совета и члены синодальные каждой особливо о сих синодских и духовных делах и как оные впредь наилучшим образом содержаны и отправлены быть могут свое мнение, как скоро возможно, письменно сочинил и оное нам подал, и понеже оные синодские и духовные дела так важны и весьма нужны, что надлежит без всякого упущения времени надлежащее определение об них учинить, того ради оные мнения по крайней мере нам в настоящем январе-месяце подать".

Дела шли медленно в Синоде, особенно дело школьное и книжное, и потому пришли к мысли освободить синодальных членов от хозяйственного управления, вспомнили, что и Петр хотел оставить духовное собрание при одних духовных делах. В июле 1726 года Синод был разделен на два департамента или апартамента; в первом заседали шестеро архиереев: Феофан Прокопович, теперь архиепископ новгородский, Георгии Дашков ростовский, Феофилакт рязанский, Иосиф воронежский, Кондоиди вологодский, Игнатий, бывший суздальский; они должны были управлять всякие духовные дела всероссийской церкви, стараться об учреждении школ, об учении народном (в церквях), о лучших и ученых священнослужителях, ведать типографию, стараться о печатании книг, которые были бы согласны с церковным преданием; однако о тех книгах, которые должны быть вновь сочинены и печатаемы, также если какие императорские указы должны быть выданы, должны представлять для одобрения императрицы в Верховный тайный совет и без этого одобрения не печатать. Этим членам Синода до своих епархий ни в чем не касаться, в епархиях должны быть викарии. В другом департаменте, который будет называться коллегиею Синодальной экономии, быть суду и расправе, также он заведывает финансовым управлением по примеру прежде бывшего патриаршего разряда и других патриарших приказов, и к этим расправным делам определить шесть светских особ. Писать: духовный Синод, а не святейший Синод и вице-президентов отставить, ибо эти чины приличны более к светским правлениям.

Нашли медленность Синода в напечатании и распубликовании указа Петра Великого о монастырях и монахах. В мае 1726 года Макаров спросил нового обер-прокурора Синода Баскакова о причинах этой медленности; Баскаков отвечал, что он спрашивал членов Синода, и они сказали, что о печатании и публикации этого указа им не приказано и в присылке из Кабинета его не было. Но по справке оказалось, что копии с указа разосланы во все епархии, кроме малороссийских, а подлинный указ за подписью Петра Великого хранится в Синодальном архиве.

Феодосий, настаивавший на сильные меры против раскольников, жаловался, что в последнее время они находят себе поблажку в Кабинете. Жаловался и знаменитый Питирим нижегородский именно на то, что ведение раскольников и сбор с них двойного оклада отошли от него и от вице-губернатора Ржевского в общие финансовые и правительственные места. "Будет немалое упущение, - писал Питирим, - ибо заочные дела без настоящего собственного нашего присмотра и понуждения могут производимы быть так закрытие, как за завесою, и между тех дел плуты раскольщики, по замерзлым своим воровским обычаям, чрез поноровку приходских попов могут производить себя подлогом, яко волцы в одеждах овчих, под именем православных христиан, ибо при ведомстве моем явились в сыску многие такие подлогом при церкви обретающиеся раскольники, за что приходских попов послано на галеры более 70 человек, а с других взято штрафов с 1500 рублей. Раскольщики злую дерзость против прежнего уже много пуще ныне возымели: попов приходских, которые тщатся их раскол не укрывать, паче же приводить к обращению, тех воровски тайным обычаем убивают до смерти со многим и различным поруганием; а отколе им такая придадётся дерзость и в какой надежде, того признать не можно. Также раскольщики и за бороды не платят, отговариваясь иным платежом, который положен на них особый за раскол, а не за ношение бород, да и тем, в

других-де губерниях и епархиях с раскольщиков за бороды не правят; а в Нижегородской епархии с них, раскольщиков, как за раскол, так и за бороды правили без упуска, понеже блаженные памяти его императорское величество чрез доклад нашего смирения повелел править и за бороды". В другом письме к Макарову Питирим писал: "Раскольщики в немалое дерзновение пришли обаче не туне: первое, что Юрья (Ржевский) от нас помощью выключен; второе, разглашают, что будто Юрье в Нижнем и не быть впредь; третье, синодального ведомства город Арзамас, Ерополчь и Вязниковская слобода, которая в расколе подобна Керженцу, Гороховец из св. Синода были определены указом 1722 года раскольническими и духовными делами и рукоположением в священство в Нижегородской епархии, из которых чрез труд наш в обращении более 10000; а в прошлом, 1726 году от ведения моего указом из св. Синода отрешены к дикастерии; и сия вся раскольщики видевши, разглашают пред простыми о мне, ему-де и от всех дел раскольнических будет отказано. И правда, таковыми случаи немалое подадеса им на мя дерзновение: смолчать грех, а и говорить не без сомнения, якобы любоначалиа ища".

Относительно западных исповеданий Синод заметил, что при католической церкви в Петербурге находятся четыре колокола; спросили у священника Якова Диалогия, по какому указу он держит колокола. Тот отвечал, что он с товарищами при определении в церковь нашли уже в ней колокола. Синод представил Верховному тайному совету, что при католической и других кирхах колоколам быть не следует, потому что исстари в Москве и других местах колоколов при таких кирхах не было. Совет положил справиться с коллегиею Иностранных дел, нет ли каких на этот счет контрактов и привилегий, и после отрицательного ответа велено было снять колокола.

Против протестантов хотели напечатать книгу Стефана Яворского "Камень веры"; но по известному нам распоряжению этого нельзя было сделать без одобрения в Верховном тайном совете. Книга была представлена, и Совет решил: отослать ее к тверскому архиепископу Феофилакту Лопатинскому для просмотра, не явится ли в ней какого подозрения или чего к закону российскому не надобного, и, как он ее рассмотрит, пусть рапортует в Совет. При этом князь Дмитрий Михайлович Голицын заметил, что отчасти в этой книге находится и ненадобное. Известно, что в царствование Петра Великого некоторые английские епископы изъявили желание присоединиться к восточной православной церкви. В октябре 1725 года Синод подал императрице доклад, что по указу Петра Великого находящийся в Петербурге Александрийской патриархии протосингел Иаков посылан был в разных годах неоднократно в Великобританию к тамошним епископам для некоторого немаловажного дела с письмами и в бытность свою там имел труд немалый и небезопасный. При этом Афанасий Кондоиди писал Макарову: "Так как я по указу Петра Великого определен был комиссаром греческой нации, и потому, исполняя обязанность моего звания, объявляю особое мое мнение, некоторому лучше быть в Англии протосингелу Иакову, чем тамошнему греческому архимандриту Геннадию, во-первых, за службы Иакова, его труды, рачения, попечения, бедствия и страхи; во-вторых, уменьшатся издержки казны государевой; в-третьих, протосингел Иаков присягал в верности ее императорскому величеству и может нам там приносить немалую пользу, будучи искусен в делах политических; в-четвертых, протосингел отчасти понимает по-русски и может находящихся в Англии русских исповедовать и прочих св. таин сподоблять, а тамошний архимандрит не только не знает ничего по-русски, но и в России никогда не бывал". Так в первые два года по смерти преобразователя люди, оставленные им России, разбирались в материалах преобразования; как же при этом разборе, при этой трудной внутренней работе поддерживалось значение России, приобретенное при Петре? Но прежде, нежели приступим к ответу на этот вопрос, посмотрим, что делалось на окраинах.

Мы видели, как в Малороссии люди, хотевшие поддержать старину, проиграли свое дело, отделивши свои интересы от интересов остального народонаселения; правительству в своих

стремлениях к приравнению стоило только опереться на интересы низших слоев народонаселения, чтоб уничтожить попытки приверженцев старины. Таким образом, приравнение Малороссии к Великой России последовало точно так же, как и приравнение Новгорода к Москве. Полуботок умер в Петербургской крепости до решения своего дела. При Екатерине оно было решено. В феврале 1725 года новое правительство издало указ, в котором говорилось, что Петр Великий устроил в Малороссии коллегия для охранения подлого малороссийского народа от тяжких обид, чинимых ему генеральною старшиною, полковниками и прочими урядниками; но генеральная старшина и некоторые полковники, не отставая от прежнего своего обычного скверного лакомства и чинимых подлому народу обид и разорений, посылали от себя в Малую Россию универсалы, повелевая полковой старшине подлый народ, ежели в таких тяжких им обидах владельцам своим хотя малую обиду учинят, вязать, в тюрьмы брать и нещадно публично карать; это было донесено его величеству Малороссийскою коллегиею и от четырех полков, а именно: Стародубского, Нежинского, Миргородского и Черниговского; от полковой старшины, куренных, сотенных и козацких атаманов и козаков на генеральных старшин челобитье и многие жалобы произошли; просили о защищении и призрении и от тягостей избавления, вследствие чего старшина была вызвана в Петербург. По исчислении известных противозаконных поступков старшины в указе говорится: за такие вины Черныша, Савича, Жу-раковского и Лизогуба с семействами, также семейство Полуботка должно было сослать в Сибирь и отнять имение; но императрица для поминовения Петра Великого указала им жить в Петербурге безвыездно "для того, чтоб народу малороссийскому впредь от них обид и разорения не было". Одинакой участи подвергся и миргородский полковник Апостол. Ката (палача) Семена Игнатова и челядника Полуботкова Карпа Луценко, которые по приказанию Полуботка задавили и бросили в воду краморку Марью Матвейху, сначала велено было казнить смертью на Украине, но потом приговор был изменен: велено их бить кнутом и, вырезав ноздри, сослать в Рогервик на вечную работу; других, которым Полуботок приказывал о убийстве, но они не исполнили приказа, однако, и не донесли об этом, велено, учиня наказанье, сослать в Сибирь в ссылку. Верховный тайный совет тотчас после своего учреждения, 11 февраля, занялся делами малороссийскими и рассуждал, что, пока еще с турками до разрыва не дошло, для удовольствования и приласкания малороссиян выбрать из них же человека годного и верного в гетманы; новые подати все сложить, а брать только те, которые собирались при гетманах на войско; суды должны быть составлены из одних малороссиян с переносом дел в Малороссийскую коллегия. В мае 1726 года в Верховном тайном совете рассуждали о миргородском полковнике Апостоле и решили отпустить его на Украину, а в Петербурге оставить сына его; императрица согласилась, но прибавила, чтоб взять с старого Апостола крепкую присягу в верности. Осенью на тех же условиях были отпущены в Малороссию Лизогуб, Черныш и Жураковский.

Мы видели, что Петр, убедившись в виновности Полуботка с товарищами, велел возвратить из Архангельска в Малороссию знатного козака Данила Забелу, сосланного при Скоропадском за доносы. Забела подал теперь Екатерине новое донесение. "Чтобы вперед в Малой России не было измены, - писал Забела, - надобно выбрать верного человека, который, не жалея сродников и прочих, только единому вашему величеству радел бы по боге и всякие порядки в Малороссии устроил вместе с господином Вельяминовым или с кем другим, потому что хотя десять коллегий учредите в Малороссии, но всего не можете проведать так, как от одного из наших верных. Прежде всего надобно сделать так: какие при измене были начальные и знатные люди, тем отнюдь не владеть селами и должностей правительственных не занимать; самых виноватых из них собрать в одно место и назвать его Изменничья или Мазепинская слобода, дать им место не корыстное для поселения, пусть строятся как хотят, только бы каменных домов не строили; остальных взять в Петербург, чтоб они там селами не владели, и жалованье давать им определенное из их же доходов, а не так, как Чернышу, ежегодно присылается кроме денег больше ста волов. Полковников и сотников поставить вновь верных, утвердить их присягою и наградить селами и другими пожитками, взятыми у изменников, не жалеть при этом

никого, потому что врагов жалеть - себя не жалеть; начать с гетманихи (вдовы Скоропадского) с братом ее Андреем: они желали победы над государем проклятому Мазепе, за которого и теперь умирают. В Глухове и теперешние управители остаются в великой измене, иные не по мере своей завладели городами и многими селами; что от проклятого Мазепы и от Скоропадского кому дано, все то перебрать и всем везде по достоинству дать, кому что следует, а чего кому не надлежит, то взять на ваше величество. Гетманы изменяли особенно потому, что им одним давали чрезмерную силу, власть и веру, точно самодержцы были; разбогатевши, не только фельдмаршалов ни за что почитали, но хотели, чтоб и государева имени никогда не поминали, а только бы одно их имя поминалось, тайком и монархами себя, бывало, называют. Без подписи генеральной старшины и полковников не принимать от гетмана никакого дела и не верить им; учредить ординатов и силу дать им такую, чтоб могли судить по челобитью на гетманов; поставить 12 ординатов для правосудия, построить дома каменные большие для славы, над домом чтоб был орел с надписью: "Дом ее императорского величества, приказ или юстиция". Так же и по полкам судили бы полковники с старшиною своею по юстициям, и сотники с своими сотенными старшинами судили бы тоже в юстициях; для этого приказать мудрым людям составить книгу правосудную; а если бы по сотням, полкам и в ординацких судах не было правосудия, то переносить дела в Малороссийскую коллегия, а если бы и в коллегии дело было решено несправедливо, то переносить его в Кабинет к вашему императорскому величеству, и кабинет-секретарь, как поверенный, должен о всем доносить под совестью. Не должно отягощать воинских людей, ни с мельниц, ни с сел не брать поборов; с купецких людей и поспольства установить поборы надлежащие. С монастырских сел и мельниц можно брать всякие поборы, потому что некоторые из архиереев и многие из прочих начальных монахов о измене ведали и советовали с проклятым Мазепой; по селам монашеским десятую часть мужиков оставить, а девять частей в козаки на службу взять, потому что монахи сильно притесняют своих мужиков, также и в других селах притесняют, насильно из Козаков в мужики идти принуждают, отнимают и убивают; для этого монахам по селам жить не следует, пусть светских приказчиков держат, а иное сами бы работали, как им закон велит; держать села монахам только по универсалам прежних гетманов до Ивана Самойловича, а мазепинские и Скоропадского универсалы уничтожить, ибо для плутовства своего много лишним завладели. Другим монахам мудрым приказать, чтоб заводили школы латинские, дабы в государстве умножились мудрые люди. Протопопам и попам также не надобно сел давать, ибо они не лучше, притом от помещиков содержание получают; из протопопов некоторые мешались во время измены не в свое дело. Подати надобно учредить наилучшим образом, чтоб не говорили, что встали против общего отягощения народного, позабыв, что сами народ погубили взятками и убийствами, не могли ничем насытиться. Есть в Малороссии проклятого Мазепы племянники и друзья любимые нетронуты, потому что при измене не были; таких надобно особенно опасаться и усмирять, отобравши у них села и мельницы, верным отдать. Скоропадский с своею супругою при министерстве Протасьева большое плутовство размножили; верным великая была пагуба от Протасьева из-за взяток; и у моей жены больше 15 куф вина взяли и сулили мне сто рублей. Проклятый Мазепа и Скоропадский очень опасались того, чтоб в Чигирине не сделали другого гетмана; можно это сделать и теперь, чтоб и та сторона Днепра была под державою вашего величества. Черныш знает, как проклятый Мазепа писал ко мне, искушая меня, обещался быть ко мне милостив, как отец, клялся, лежа больной в Батурине, говорил: будь мне верен, а не государю, и я тебе чего надобно дам. Прошу ваше величество не объявлять о моем доношении, чтоб не отомстили моим детям, как самого меня едва не погубили, когда мое доношение стало известно гетману Скоропадскому; публиковал он его по всей Малороссии, и за мою верность и правду мне и детям моим всегда будет укоризна и ненависть от тех, кто написан в моем доношении, поэтому опасно служить верою и правдою или что доносить вашему величеству. Во время гетманства проклятого Мазепы и Скоропадского укоряли меня верностию деда моего Забелы, говорили: когда бы не дед твой Забела, не была бы Малороссия под государем и Москвою, а ты такой же враг наш, что в государя и москалей веруешь".

Попытка Мазепы увлечь Малороссию к измене была последнею: народ не откликнулся на гетманский призыв, и нарвский победитель стал полтавским побежденным: нравственные и материальные средства оказались на стороне царя, на стороне единства России. Полуботок с товарищами попытались мирными уже средствами противодействовать приравнению, и эта попытка не удалась; царь обратился опять к тому большинству, которое стало на его стороне в 1708 году. В другой козацкой стране, на Дону, также научились из булавинского опыта, что борьба козаков с государством была невозможна и при самых неблагоприятных для государства обстоятельствах: донцы были спокойны, спокойно брали свое жалованье: 17142 руб. денег, 7000 четвертей ржи, 500 ведр вина. Но козацкие силы отливали далее на восток, в степь, на Яик, ибо там козак имел настоящее свое значение, там он стоял на стороже Русской земли, постоянно бился с степняками, разминал в широком поле плечи богатырские в борьбе с поганью. В 1725 году приехал в Петербург с Яика легкой станицы атаман Арапов с товарищами и просил позволения завести поселение и построить крепость для оберегания границы на заставах по Яику, выше Яицкого городка, на устье реки Сакмары, близ башкирцев, где переправляются и ходят в Россию неприятельские каракалпаки и киргиз-кайсаки и ближним к тому месту городам причиняют большое разорение и людей в плен забирают. Сенат согласился, но с условием, если яицкий атаман и все войско пожелают и усмотрят надобность в этом новом поселении для оберегания границы; но и в таком случае быть Арапову и товарищам его под смотрением войскового атамана и других яицких старшин и Козаков, и Военная коллегия должна подтвердить им накрепко, чтоб они отнюдь беглых, как великороссиян, так и малороссиян, не принимали.

Граница России с степными кочевниками переносилась все далее и далее на восток: вместо Днепра и Оки, как было прежде, она очутилась теперь на Яике. Здесь каракалпаки и киргизы играли роль старинных половцев и татар, сильная Орда Калмыцкая, зашедшая к Волге, охвачена была государством и понапрасну билась в его крепких объятиях. Мы видели, что при Петре с калмыцкими отношениями к России была связана деятельность астраханского губернатора Волынского. Волынский принадлежал к числу тех людей, которые всем были обязаны Петру и которые, однако, имели побуждение не очень печалиться о смерти великого преобразователя; подобно Меншикову и Феодосию, Волынский мог думать, что событие 28 января 1725 года избавит его от беды. Он потерял расположение Петра своими поступками, своим староевдовским поведением; на него наложен был штраф за то, что выдал жалованье своим подчиненным без ассигнаций Штатс-конторы; упомянутый уже нами поступок его с Мещерским возбудил сильное неудовольствие. В своих бедах Волынский и жена его прибегали обыкновенно к ходатайству Екатерины; Волынский всеподданнейше доносил ей о всех делах, как царствующему государю; например, в марте 1723 года он писал ей: "Вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу: персидский посол сюда прибыл, который объявил о себе, что он от шахова сына, который ныне короновался шахом, отправлен полномочным послом и имеет просить ваше величество о войсках для обороны от их неприятелей, также, ежели повелено ему будет от вашего величества вступить в какие трактаты, велено ему так заключить, на каких кондициях ваше величество изволите. Донесши сие, всемилостивейшая государыня, всеподданнейше и нижайше прошу ваше императорское величество содержать меня, сирого и последнего вашего раба, и милостиво не оставить в материнской милости и милостивой протекции".

Материнская милость оказалась через пять месяцев по восшествии на престол Екатерины; в июле 1725 года Волынский был сделан казанским губернатором, вероятно, для прекращения столкновений его с генералами кавказского, или, как тогда называли, низовского, корпуса; велено выдать ему удержанное при Петре жалованье, сложить штрафные деньги; калмыцкие дела велено было ведать ему по-прежнему. Волынский отвечал на эти распоряжения таким письмом к императрице от Камышенки: "Получил я указ из Сената о том, что ваше императорское величество повелели положенный безвинно на меня штраф 12000 рублей снять,

а паче соизволили свободить из астраханской пеклы, и что я между здешних варвар волочуся на моих собственных проторях, за те мои убытки наградить. Я, волочась здесь, ныне уже было и до того дошел, что калмыки за мое к ним бескорыстное благодеяние и за труды и самого меня убить или поймать хотели. Дабы уже всему их бешенству конец был, для того, может быть, пробуду здесь до октября-месяца или и дале. Когда уже ваше императорское величество соизволили калмыцким делам быть в моей дирекции в Казанской губернии, я в том предаюсь в волю вашего величества".

Между калмыками опять начались усобицы. Наместник Черен-Дундук, видя, что Волынский не хочет принести ему в жертву Досанга, хотел призвать к себе на помощь кубанских татар, но Волынский помешал сношениям калмыков с татарами. Скоро, однако, он убедился, что от Досанга нельзя ожидать никакого добра. "Я желал, - писал Волынский, - чтоб калмыки были разделены на две партии, и до сего времени держал больше Досангову сторону, но теперь вижу, что он человек непотребный, забыл благодеяния государя Петра Великого и мои труды, забыл, что я спас его от смерти, из нищих сделал сильным владельцем; забывши все это, он искал покровительства кубанцев, после чего нельзя уже ждать от него никакого добра; кроме того, при нем людей умных и добрых нет. Черен-Дундук хотя не умнее его и такой же пьяница, однако человек с совестью, да и люди при нем отцовские умные и добрые есть, через которых все можно делать. Сколько Досанга под протекциею ее императорского величества ни держать, но совершенно уберечь нельзя, потому что он перед тою стороною бессилен, а держать при нем всегда наши войска очень убыточно и трудно, да и ту сторону можем этим отогнать, и пути в нем не будет, потому что у него люди воры, а брат его Нитар-Доржи над всеми ворами архиплут; все владельцы и простой народ другой стороны на них страшно озлоблены, потому что от них ни другу, ни недругу спуска нет, всех обокрали кругом. Так как Досангу все равно пропадать же, то, по моему мнению, надобно сделать так: объявляя все его дурные дела, объявив, что императрица отнимает от него свою руку, отдать его на суд Черен-Дундуку, чтоб управился с ним сам; та сторона такую милостию будет довольна; в противном случае они самовольно его погубят и будут хвастаться, что сделали это, несмотря на покровительство, оказываемое нами Досангу". Императрица отвечала, чтоб Волынский поступал по тамошнему состоянию дел и по своему рассуждению. Досанг начал исправляться по-калмыцки: удавил брата своего Нитар-Доржи и прислал труп его к Волынскому.

Между тем дело Мещерского не затихало, и в конце года Волынский пишет императрице из Пензы: "Я засвидетельствуюся богом и делами моими, что я никакой вины моей не знаю: однакож, как известно вашему императорскому величеству о многих персонах, ко мне немилостивых, от которых ныне такое наглое гонение терплю, что поистине сия печаль меня с света гонит и в такое отчаяние привела, что я не смею ни на какое дело отважиться, понеже, что ни делано, редкое проходило без взыскания, и я только в том живу, что непрестанно отвечаю и за добрые дела так, как бы за злые; и тако, сколько ни было слабого ума моего, истинно все потерял и так сбит с пути, что уж и сам себе в своих делах не верю. Сотвори надо мною, бедным, божескую милость и чтоб указом вашего императорского величества повелено было мне в нынешней зиме хотя на малое время побывать ко двору вашего императорского величества". В следующем письме объясняется причина беды: "Военная коллегия приказала за мичмана Мещерского судить меня военным судом. Служу я с ребяческих моих лет и уже в службе 23 года, однако никакого штрафа на себя не видал и ни с кем на суде сроду моего не бывал; а ныне прогневил бога, что будут судить меня с унтер-офицером; а паче с совершенным дураком и с пьяницею; известно всем, что он, Мещерский, ни к чему не потребен и дурак и пьяница, для того он, Мещерский, и жил в доме генерала Матюшкина в прямых дураках, где многих бранивал и бивал, также многие и его бивали, и, напоя пьяного, и сажею марывали, и ливали ему на голову вино, и зажигали, он же бывал в доме его острижен и по-жидовски, а и кроме того, и в прочих во многих домах, куда б он ни пришел, везде смеивались над ним; неоднократно валивался он пьяный по кабакам и по улицам и ганивался за многими с палками и

с камнем. Прошу, дабы прежде освидетельствовано было оного Мещерского состояние, также и то, какие мне учинил обиды и как в доме генерала Матюшкина бранил меня, и бедную жену мою, и сущеву младенца дочь мою, чего ни последнему унтер-офицеру снести невозможно".

В Петербурге готовили Волынскому новую неприятность. 15 декабря 1725 года в доме императрицы собрался Тайный совет по иностранным делам; присутствовали Меншиков, Апраксин, Головкин, Толстой, Остерман, Ягужинский. Читали последние донесения Волынского о приближении киргиз-кайсаков и каракалпаков к Яику и о намерении их ударить на калмыков. Тут генерал-прокурор Ягужинский донес о мнении Сената, чтоб Волынскому быть у одного дела: или у калмыцкого и жить в Саратове, или управлять Казанскою губерниею, а вместо него к калмыцкому делу назначить другого, которого подчинить генерал-фельдмаршалу князю Михайле Михайловичу Голицыну, причем Голицын должен иметь главную квартиру в Рыбном и командовать над всеми войсками по Волге и Дону, кроме Астрахани и крепости Св. Креста. По долгом рассуждении императрица изволила определить: Волынскому оставаться и губернатором казанским, и у калмыцких дел, и так как он для последних должен быть в частой отлучке, то придать ему в товарищи вице-губернатора для управления губернскими делами во время его отсутствия; но по калмыцким делам Волынский должен быть подчинен фельдмаршалу князю Голицыну, который должен иметь главную квартиру в Рыбном и командовать войсками по Волге и Дону согласно с мнением Сената.

Защитив таким образом Волынского, оставив при нем обе важные должности, хотя и с подчинением Голицыну по калмыцким делам, императрица на его жалобные письма и просьбы о позволении приехать в Петербург отвечала в марте: "Господин губернатор! письма твои все до нас доходят, из которых мы усмотрели, что в немалом ты сумнении находишься о том, якобы мы имеем на тебя гнев свой; и то тебе мнение пришло в голову напрасно, и хотя прежде по письмам Еропкина отчасти имели некоторое сумнение, однакож потом в скором времени чрез письма свои ты выправился, и остался в том помянутый Еропкин, что неправо о том он доносил, а вашими поступками в положенных на вас делах мы довольны. Что же представляешь свои нужды и просишься для того, также и для доношения о некоторых тамошних важных делах ко двору нашему: и ныне тебе ко двору быть невозможно затем, что писал к нам недавно генерал-фельдмаршал князь Голицын, что Черен-Дундук согласился с кубанцами и ищут чинить нападение на донских Козаков и на Петра Тайшина, и для того надлежит вам подлинно о том проведовать и до того не допускать; а потом, також и по осмотрении нужных дел в Казанской губернии в июне-месяце приезжайте к нам в Петербург".

Несмотря на это утешительное письмо, дело о Мещерском продолжалось. 30 апреля Волынский писал опять Екатерине: "По присланному из Военной коллегии указу поведено генерал-лейтенанту Чекину судить меня военным судом за Мещерского, который был у генерал-лейтенанта Матюшкина в дураках. И понеже хотя Адмиралтейская коллегия и показала надо мною такую немилость, какой еще образ, как началось регулярное войско в государстве, ни над кем не бывало, чтоб кто из штаб-офицеров был сужен с унтер-офицером, и паче что с публичным дураком; однако по всем военным артикулам вины моей не сыщется, ежели меня будут судить правильно, но останется в том генерал-лейтенант Матюшкин: первое, что он держал у себя унтер-офицера в дураках и попускал его не токмо ругать, но и бить офицеров; второе, что оной Мещерской бранил меня в доме его при нем и говорил, что мне, и жене моей, и дочери виселицы не миновать, в чем он не токмо ему (не) воспретил, но еще тому и смеялся и мне никакой сатисфакции не учинил".

То, чего не мог сделать Сенат относительно Волынского, то сделал Верховный тайный совет: осенью 1726 года калмыцкие дела были взяты у Волынского. Верховный тайный совет донес императрице, что он требовал на его место кандидатов из Военной коллегии, которая

представила генерал-майоров Шереметева и Кропотова; Екатерина ответила, что Шереметев и Кропотов у калмыцких дел быть не способны и Кропотов к тому же болен.

Калмыцкие дела действительно требовали способного человека. Мы видели, какие были получены в Петербурге известия о калмыцких замыслах против донских Козаков. Один из калмыцких владельцев, брат Досанга, принял христианство и назван был Петром, но этот поступок возбудил против него неудовольствие в родичах. Новообращенный посылал к брату своему Досангу мурз требовать разделения улусов; но Досанг велел отвечать, что не даст улусов человеку, который принял христианскую веру и надеется на русских людей; пусть просит русского бога и христиан: они ему помогут. Петр Тайшин действительно обратился к христианам, писал к князю Михайле Михайловичу Голицыну, что если императрица и он, князь, ему не помогут, то он останется у своих в презрении и все будут ему смеяться. Голицын написал Досангу, что, если он оставит брата в убожестве, тот станет искать милости и суда у императрицы и она прикажет его судить, то, получа гнев, будет ему стыдно. Угроза подействовала, и Досанг разделился полюбовно с братом. Кроме калмыков башкирцы не переставали возбуждать опасения. Геннин, который на Олонецких заводах заступался за раскольников, теперь на Уральских заводах заступался за инородцев, притесняемых русскими чиновниками, и указывал на вредные следствия таких притеснений. Геннин давал знать, что в Вятской провинции комиссары собирают с инородцев большие сборы, а отписок им в получении не дают, отчего инородцы приходят в разорение; они просили Геннина, чтоб для сборов определен был особый командир, добрый человек, и они будут платить всегда бездоимочно. В той же провинции фискал поставил заставу, у которой берут с вотяков и других инородцев по 20 копеек с возу хлеба, в Соликамской провинции берут с них обыкновенную пошлину, а когда возвращаются домой и покупают из казны соль, то берут у них по 12 копеек с возу, а расписок нигде не дают. Геннин опасался, чтоб инородцы, выведенные из терпения, не возмутились вместе с башкирцами. Башкирцы также жаловались Геннину, что их разоряет табачный откупщик Белопашицев, принуждает их покупать гнилой табак, который продает вместо пуда 30 фунтов, и если они купят хорошего табаку на стороне, то откупщик их разоряет. Башкирцы же жаловались Геннину на уфимских судей, что волочат их верст за 700, а правосудия никакого не оказывают, берут взятки; поэтому они просили, чтоб был над ними один судья. Правительство поручило Геннину исследовать, какие обиды терпят башкирцы от откупщиков; Геннин в свою очередь поручил это дело верному человеку - бургомистру купеческой ратуши Юхневу, который указал грабительство, "от чего, - писал Геннин, - тайная искра, которая под пеплом тлеет, может со временем огненное пламя родить".